

Арина
НАЗАРОВСКАЯ

Лица
КАЙРА

ПОСЛЕ РАЗВОДА
ЭТОТ УЖАСНЫЙ ВАРВАР
ЭТАЖОМ ВЫШЕ

Лина Кайра

После развода. Этот ужасный варвар этажом выше

<https://litres.ru/74123119>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя жизнь рухнула в один момент. Муж изменяет. Использует меня как бесплатную рабочую силу и развлекается на стороне. Ну, ничего дорогой, я покажу тебе небо в алмазах! А заодно докажу, что жизнь после развода существует.

Главное выжить ужасного соседа сверху, что постоянно портит мне жизнь!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	50
Глава 10	57
Глава 11	65
Глава 12	73
Глава 13	79
Глава 14	84
Глава 15	90
Глава 16	96
Глава 17	101
Г	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Лина Кайра

После развода. Этот ужасный варвар этажом выше

Глава 1

Меня проиграли! Это не укладывалось в моем мозгу. Проиграли в карты. Словно вещь. Безжалостно и бесцеремонно. Так, словно имели право. А привез меня сюда человек, которого я когда-то любила. И сильно!

Сердце грохочет в груди. До боли. В ушах гудит. А картинка перед глазами начинает плыть. Воздух кажется спертым, горячим и мерзким. Кажется, я вот-вот задохнусь. Мне хочется сбежать из этой душной комнаты. На улицу. Или крышу. Да куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Особенно от сального взгляда победителя — огромного мужика с большим пузом.

Но вопреки всему я стою. Смотрю на трясущиеся руки того, кто меня поставил на кон, на капельку пота, выступившие на его лбу, на вывалившиеся из ладоней карты. И не верю в случившиеся.

— Не повезло тебе, — тихо бормочет рядом со мной девица и опрокидывает бокал.

Я медленно оборачиваюсь. Ультракороткое платье с глубоким декольте, вызывающий макияж. И такой жалостливый взгляд. Даже ей, путане, привыкшей ко всему, тяжело на это смотреть.

В этот момент раздаётся:

— Девка ваша.

Быстрые шаги и дверь захлопывается за моей спиной. С грохотом. Явственно означая, что он ушёл. Заманил сюда и отомстил за отказ.

Щелчок замка ударяет по ушам, как взрыв снаряда. Мир, замерший на долю секунды, когда на стол бросили карты, снова приходит в движение, возвращая в жуткую реальность.

Меня трясёт. Холод пробирает до костей, хотя в прокуренном помещении душно. Я затравленно оглядываюсь на амбала, охраняющего выход. Он ловит мой взгляд, и на его лице расплывается мерзкая, понимающая ухмылка. Он медленно качает головой.

— Даже не думай, птичка. Из этой клетки тебе сегодня не улететь.

Здоровый бритый мужик с пузом — выигрывший меня, остается один за столом, лениво ворошит кучу зелёных бумажек. Сжимает их в кулаке и с презрительной улыбкой швыряет в сторону стоящих у барной стойки девушек.

— За удачу.

А потом его ледяные голубые глаза останавливаются на мне. Он оглядывает меня медленно, с ног до головы, словно оценивает породистую лошадь. Ощущение настолько грязное, проникающее, будто с меня одним этим взглядом срывают одежду, оставляя стоять посреди этого вертепа абсолютно голой. Я сглатываю колющий, раздирающий горло комок.

Мужчина поднимается. Здоровый, уверенный в своей силе и власти. Я заставляю себя не отводить взгляд, уставившись прямо перед собой, на его расстёгнутый ворот дорожной рубашки, изпод которого виднеется поросшая светлыми волосами грудь. В голове нет мыслей вроде «Как он мог?» или «Пожалуйста, не надо». Нет. В висках стучит набат, однаединственная, обжигающе ясная мысль: «Лучше сдохну».

Кажется, он это чувствует. Моё молчаливое, отчаянное сопротивление. И в его глазах вспыхивает азарт, куда более сильный, чем за карточным столом. Ему хочется не просто взять свой приз. Ему хочется его сломать. Как хищному зверю, заметившему свою добычу.

Он шагает ко мне и резким, почти небрежным движением хватает за волосы, дёргая на себя. Боль обжигает кожу головы. Я инстинктивно вцепляюсь ногтями в его запястье, пытаясь высвободиться. В ответ он трясёт меня так, что зубы клцают.

— Бродвей, может, сразу в спальню её отвести? — подаёт голос амбал, что стоит у двери, подходя ближе.

Бродвей- прозвище этого самого здоровяка. Он продолжает удерживать меня и хмыкает:

— Запри её в кладовке. Эта сбежать через окно попытается, даже не посмотрит, что третий этаж. Я таких нюхом чую. С виду — овечка, а внутри — дикая кошка, — с этими словами он гладит меня по щеке, а затем надавливает большим пальцем на губы.

Я не выдерживаю и щёлкаю зубами. Здоровяк усмехается и толкает меня в сторону охранника. Амбал издаёт булькающий смех, и его пальцы-клещи вцепляются в моё плечо. Безжалостно. Больно.

Меня волокут к не приметной двери у бара. Я хватаюсь за стойку. Молча. Без единого звука. Потому что кричать бесполезно. Потому что здесь мне никто не поможет. Мужчины за соседним столом, наблюдающие за сценой, хохочут.

— Да расслабься, красотка! Ничего с тобой не случится. Может, даже во вкус войдёшь, как наши девки, — усмехается Бродвей и шлёпает ближайшую к себе путану по заднице.

Ещё секунда — и амбал дёргает меня с такой силой, что в плече что-то хрустит, а затем швыряет в тесное помещение, пахнущее хлоркой и сыростью. За спиной грохочет дверь, скрежещет засов, и меня поглощает абсолютная, непроглядная темнота.

Ужас, холодный и липкий, охватывает меня. Я зажмуриваюсь, откидываюсь на стену и пытаюсь отдышаться. Чудо.

Меня может спасти только чудо.

Но откуда ему взяться? Мой брат неизвестно где. И никто, никто не сможет мне помочь.

Остаётся лишь молиться. Но вместо этого я прислушиваюсь к шуму за стеной, а мои руки в темноте начинают ощупывать предметы вокруг. Швабра? А почему нет? Хотя что-то.

Сквозь щель доносится приглушённый смех, который вдруг резко обрывается. Звонок. Громкий, дребезжащий. Кто-то пришел. Наступает тишина. Я замираю, прислушиваясь. Скрипит входная дверь. Потом глухой стук, будто на стол бросают что-то тяжёлое. И в этой звенящей тишине раздаётся новый голос. Спокойный, ровный и совершенно чужой в этом гадюшнике.

— Я пришел на игру. Ставлю всё.

Я знаю этот голос. Холодный, уверенный, неуместный в этом вертепе. Голос, который я впервые услышала несколько месяцев назад и никак не ожидала услышать здесь.

Особенно здесь. Особенно сейчас.

Глава 2

Несколькими месяцами раньше...

— Прыгай отсюда, зайчик! — орет на меня двухметровый шкаф, весь покрытый цементом.

Даже лицо и волосы этого хама припорошены серой смесью. Из-за его широкой спины выглядят испуганные специалисты из бывшей советской республики, откуда-то с юга. Кстати, не такие грязные, как этот славянин. Они едва достают этому здоровяку до плеча, впрочем, как и я.

— Вы не имеете права работать в это время! — пишу я. — В час тишины нельзя шуметь, а вы грохочете так, что весь дом сотрясается и выражаетесь некультурно. Даже при четырехметровых потолках я вашу ругань слышу. Ну так же нельзя.

— Можно, когда нужно! — движется на меня рабочий, оставляя пыльные следы на лестничной площадке нашей парадной.

Я инстинктивно делаю шаг назад, сглатываю и стягиваю рукой ворот халата. Озираюсь на железные двери соседей.

Нет, ну почему только я одна прихожу разбираться с ужасным шумом, будто мне делать нечего? Хотя кто пойдет ругаться с новым жильцом? Почти все уехали в летний период на дачи. Вот и страдаю только я.

А все потому что квартиру сверху продали. Счастливые

жильцы коммуналки разъехались по спальным районам. А у нас С тех пор как новый собственник затеял ремонт, жизнь всего дома превратилась в ад. Особенно моя.

И сейчас вот выскочила в пылу праведного гнева в том, в чем ходила после душа: в огромном пушистом белом халате, в тапках-зайчиках и с полотенцем на голове. Вид у меня явно не подходит для разбирательств. Но очень уж меня вывела из себя разбитая чашка, которую я выпустила из рук, подскочив от неожиданности. А еще говорят, посуда бьется к счастью. Арина Рудольфовна в частности. Соседка наша по коммуналке.

Она постоянно цитирует приметы. И вот, по ее словам, осколки моей любимой чашки должны обрушиться на меня шквал радостных событий, а в итоге новый рабочий из квартиры сверху нависает надо мной и орет как оглашенный.

Я ведь только собиралась попить вкусного чая. Отдохнуть. Посмотреть интересный сериальчик Королева Чорин. Как говорится, сделал дело, гуляй смело. Я с десяти утра плотно занималась, репетировала — завтра же экзамен в консерваторию. Потом сходила в душ. Наслаждалась упругими струями воды и спокойствием. Как же хорошо, когда никто не стучит тебе в дверь — выходи, мол, Джульетта, освобождай общие помещения.

А затем самое приятное — устроилась на диванчике, в тишине, пить чай из любимой чашки, которую мне мой уже бывший муж подарил. А это, между прочим, был единствен-

ный подарок за год семейной жизни! Которая, к сожалению, разбилась, как эта самая чашка. А все потому, что я испугалась жуткого грохота сверху и последующего трехэтажного мата.

Ну, естественно, в священном порыве я вскочила и помчалась наверх ругаться. Это была последняя капля моего терпения. Месяц ада с постоянным шумом, стуком, от которого я постоянно сбивалась с ритма доведут кого угодно. Хочется биться головой о фортепиано и выть в голос. Я даже пробовала вступить в преступный сговор с вечным командиром нашей коммуналки Ариной Рудольфовной, чтобы она повлияла на соседа.

На что наша команданте, посмотрев на меня поверх очков и оторвавшись от пасьянса, сказала:

— Джульетта, потерпите. Ремонт не будет длиться вечно, а мальчику же надо где-то жить.

Этого самого мальчика я еще лицом к лицу не встречала. Только его рабочих. Да еще машину вижу постоянно в нашем дворе. Огромный черный джип с московскими номерами. И еще с какими! 777мвд777. Хорошо, что не три шестерки, а то бы я точно поверила, что этот варвар прибыл, чтобы превратить мою жизнь в ад.

А еще около подъезда у нас теперь постоянно стоят грузовые машины. Грузчики то что-то вносят, то выносят. Подъезд покрыт толстым слоем строительной пыли, которая поднимается облаком и норовит попасть и в нашу квартиру.

И вот я сейчас срывающимся от волнения голосом рассказываю очередному рабочему о часах тишины, а он раздраженно нависает надо мной, сжимая огромные кулаки.

— Я буду жаловаться в домоуправление! — пишу я, стараясь выглядеть убедительно, но пятаюсь к лестнице.

— Да хоть тарабарскому королю! — ревет этот грязный варвар мне уже вслед.

— Грубиян! — это уже я смело кричу, спустившись пролетом ниже.

В ответ мне раздается грохот захлопывающейся входной двери.

Глава 3

Нет, это ужасно. Только я пришла в себя после всей этой эпопеи с Мишей, бывшем мужем, как появился новый раздражитель. И опять меня зверюшкой обзывают.

Возвращаюсь на кухню и хлюпая носом собираю осколки несчастной чашки, той самой, что подарил Миша мне на день рождения, и после которой я влюбилась в него по уши.

Когда это было? Да почти два года назад. Я тогда еще жила в Смоленске с родителями и училась в музучилище по классу фортепиано.

Маленькая светленькая мышка с вечным хвостиком и очками, которые мне были нужны не столько для дальности, а больше как щит.

И вот за ними меня и разглядел первый парень нашего училища, Михаил Разинский. Красивый стройный с длинными пальцами и аристократической внешностью. Рассыпанные в беспорядке по плечам русые волосы и обаятельная широкая улыбка. Наша звезда. Его пальцы летали по клавишам, когда он играл.

Правда моя преподаватель недовольно заявила, что он слишком поверхностно играет, и ему не хватает глубины. И что на следующем конкурсе я легко обойду его, но это не мешало ни мне, ни куче других девчонок восторгаться им издалека.

Чувств у меня к нему в то время не было. Ну какие чувства к статуе Давида? Только любоваться со стороны.

И вот когда и меня, и его выдвинули на очередной конкурс, Михаил и разглядел меня.

— Мышка, а ты симпатичная.

Он никогда не называл меня по имени, даже сокращенно. Я уж не говорю про его полную версию — Джульетту.

С ним мне мамочка любимая удружила. Родом из Питера кстати, из этой самой коммунальной квартиры. Она обожала Шекспира. Вот и назвала меня в честь героини его знаменитого романа.

Мама выучилась на учительницу русского языка и литературы, выскочила замуж за новоиспеченного лейтенанта и уехала с ним служить в Смоленск.

Во второй же комнате в Питере осталась ее старшая сестра Катерина, тоже творческая личность — музыкант.

— Это ты в нее талантом пошла, — любила поговаривать мамуля, вздыхая. — Катенька с детства любила музыку. А мне в детстве медведь на ухо наступил.

Катерина скоропостижно скончалась от осложнений после гриппа три года назад. И ее комната в купе с материнской перешли по наследству ко мне с братом-охламоном.

Брата-то мамочка назвала по-человечески — Николаем, а меня вон нарекли Джульеттой.

В итоге так называли меня только родители да Арина Рудольфовна.

Коля, паразит, обзывал Жулькой, а я всем представлялась Юлией. И жутко краснела, когда люди узнавали мое настоящее имя. А вот для Миши я была мышкой. Только мышкой.

Мишка и Мышка. Но нас я так только про себя называла. Муж морщился на Мишу, и ото всех требовал звать себя только Михаилом или на худой конец по фамилии — Разинский.

Наш скороспелый роман продолжался четыре месяца, когда мне сделали предложение. И я радостно, с горящими глазами, естественно, согласилась. На что мама с папой только головой покачали. Они съехали в большой новопостроенный дом в Сочи, а мне отдали шикарную двухкомнатную квартиру с настоящим роялем в Смоленске. Куда мы с Мишей и заселись.

Отец, правда, настоял сходить к нотариусу и отдарить мне квартиру еще до дня свадьбы.

А последняя была очень скромной, только для самых близких. Братец тогда как раз в Питер поступил в ВШЭ и занял одну из комнат. Вторая, тети Кати, с шикарным фортепиано стояла закрытой. Ждала меня, или нас. Как я тогда думала.

Сколько мне тогда было лет? Двадцать? Глупенькая, наивная. А уже тогда стоило бы задуматься. Обручальное кольцо из нас с Мишей носила только я.

Миша осторожно сжимал мою ладонь и преданно глядел в глаза:

— Меня раздражает любые мелочи пальцах. Не то, что кольцо. Прямо играть сложно становится. Мышка, ты же у меня такая понимающая.

Я дурочка верила. Кивала.

Осторожно собирая осколки, я вспоминала то время.

Окрыленная любовью, сладкими речами я порхала и ничего не видал вокруг себя.

Училась в музыкальным училище и ни о чем не думала. Во всем полагалась на Мишу. Тогда объявили конкурс Таланты Смоленщины.

Ну, какой ещё конкурс? Я же – замужняя дама. Не до этого. Моей главной задачей стала забота о моем муже, великом и талантливом Михаиле Разинском. Готовить, стирать, убираться, зарабатывать деньги

Хорошо хоть училище не бросила. Я вздохнула.

Преподаватель меня тогда очень ругала:

— Юлия, я понимаю что ты не хочешь составлять конкуренцию Михаилу, но пойми, у тебя гораздо больше таланта и трудолюбия, чем у него. Конкурс откроет тебе большие возможности.

Но я наотрез отказалась. Ну, не пересказывать же мне наш разговор с мужем. Очень здравомыслящий и правильный, как мне тогда казалось.

Глава 4

Знакомимся с героями Наша девочка: *Джульетта Жарикова*

Возраст: *21 год*

Внешность и стиль: *носит очки; длинные волосы (иногда распускает); предпочитает удобное — джинсы, футболка, балетки.*

Характер: *эмпатичная, наблюдательная, с самоиронией; долго терпит, но в критический момент становится очень решительной и упрямой. Начинает новую жизнь после развода!*

А вот так наша девочка встретила строителя сверху

А это наш строитель с верхнего этажа. Как вы думаете, кто он?

Михаил Разинский муж Джульетты, бывший, но он пока об этом не знает!

Возраст: 22 года

Внешность: Длинные волнистые русые волосы, карие глаза, высокий и стройный. Мнит себя аристократом и первым красавцем.

Характер: нарцисс, манипулятор, приспособленец и патологический лжец

Арина Рудольфовна — соседка-наставница Джульетты, команданте коммуналки; голос житейской мудрости и вестник судьбы. По совместительству лидер дворового клуба скидок.

Возраст: 73 года

Внешность: седые волосы, собранные в пучок, легкий макияж, серые глаза и гордая осанка. Выглядит всегда элегантно.

Характер и манеры: энергичная, практичная, верит в знаки и карты; любит поучать, но искренне заботится.

Глава 5

— Мышка, у меня все из рук валится, — грустно вздыхает Миша, — Понимаешь, я не могу разрешить себе выиграть этот конкурс у тебя. Это совсем не по-мужски будет. Но с другой стороны, ты же знаешь, как он для меня важен. Это такой задел в наше будущее благополучие.

Меня как призера, сразу будут приглашать выступать на концерты и приемы. А это же деньги, — очень серьезно рассуждает он.

— Хорошо, предположим ты его выиграешь, но через год-полтора мы же задумаемся о малыше? И ты останешься с ним дома. А кто будет деньги зарабатывать? — он притягивает меня к себе и сердце в груди начинает бешено стучать. А щеки гореть.

— Правильно. Только я. Да, я понимаю, что твое репетиторство с детьми тоже будет доход приносить, но согласишься, он будет не сравним с выступлениями у губернатора. Да и вообще, женщина в декрете не должна работать. Ее главная задача воспитывать сына.

И я обдумав его слова, сняла себя с конкурса. Миша был прав, мое репетиторство не приносило очень много, хотя тогда мы жили именно на него. Мужу было некогда заниматься мелочевкой. Он ГОТОВИЛСЯ. Или периодически уходил развеяться с друзьями.

— Мышка, я — творческая личность, мне нужен иногда глоток свободы. Он наполняет меня жизнью и подпитывает мой талант, — говорил он. Целовал меня в щеку и пропадал на день.

Миша тогда всё же выиграл конкурс. И мы были счастливы. Он оказался прав — его стали приглашать выступать. Только доходы с этого тратились на его одежду, ведь он не может позволить себе ходить как бомж. На стилиста. На дорогую технику. Так прошли полгода. А после окончания училища я устроилась в музыкальную школу преподавателем, а Миша засобиравшись в Питер — на подготовительные курсы для поступления в консерваторию.

Я заикнулась, что могу поехать с ним. У нас даже есть комната, где мы можем жить, но меня осадили:

— Малыш, ты же понимаешь что я не смогу там работать, а наш бюджет не выдержит двоих. Тем более понадобится время, чтоб тебе найти новых учеников.

И меня мягко целовали. А потом добавляли:

— И да, ты же осознаешь, что я не могу жить в коммуналке. Пойми, там слишком шумно. А мне нужно готовиться к занятиям, репетировать. Поэтому нам придется снять мне квартиру.

Да, это сейчас я понимаю, что жила как в розовом при-торном тумане. А тогда нет. Велась на все манипуляции и сладкие речи. Ничего не видела и не слышала. я боготворила Мишу. Моя старая преподаватель только головой качала.

Единственное, что она попросила:

— Юлия, давай я тебя за символическую плату тоже буду готовить к консерватории. Через год — захочешь поступить — прекрасно, нет, так мне бабушке денежкой помогла.

Как мне этого не хотелось делать. Я же жутко боялась, что Миша узнает и будет волноваться, что я опять собралась ему составить конкуренцию. Но преподаватель так просила, что я не смогла ей отказать. И отзанимавшись со своими учениками бежала к ней.

Муж снял квартиру в Питере и уехал.

— Не звони мне. Я могу в это время быть на занятие. Сам если что наберу.

И да, раз в день от него поступали смски или звонки.

— Люблю тебя, мышка, — шептал он проникновенным шепотом.

И я млела от его низкого певучего голоса. Как моряки от пения сирен. Я как дура набирала еще учеников и отправляла мужу деньги. Питер же такой дорогой город.

Так продолжалось четыре месяца пока меня не осенила идея. Как-то раз устав как собака, я решила устроить себе отпуск. Съездить к мужу в гости. На недельку. На свой день рождения. Договорилась со всеми, собрала чемодан, погрузилась в поезд и рванула к своему благоверному.

Не позвонила Мише. Захотелось сделать ему сюрприз.

Ну а, так как адрес съемной квартиры мне сообщать не торопились, я узнав расписание подготовительного отделения

и скинув вещи у брата, погуляла по городу и к назначенному часу прибежала к дверям консерватории.

Внутри все замирало в томлении. Как же я соскучилась по мужу. По моему талантливому ангелу. У меня даже дыхание перехватывало в предвкушении.

Я хихикала в душе, представляя как он обрадуется и удивится. Подхватит меня на руки и закружит у всех на виду. Поцелует. А потом А вот о последующем помечтать не удалось.

Своего мужа я узнала издалека. И дыхание у меня и вправду остановилось. Только не от счастья.

Глава 6

Миша, одетый как всегда с иголки, в новом пуховике, шел в консерваторию на занятия. Но вовсе не один.

Девушка модельной внешности, с пухлыми губами и ногами от ушей буквально висла на нем. В руках у нее был роскошный букет роз. И Миша, совершенно не стесняясь окружающих, и не боясь обветрить губы, периодически останавливался и начинал с ней целоваться. Его длинные, изящные пальцы, замирали на спортивной заднице спутницы. Девушка прижималась к нему пышной грудью прямо посередине улицы и млела в его объятиях.

В груди резко защемило, стало трудно дышать, а в носу защипало. Чтобы меня не заметили, я заскочила внутрь. Заметалась в вестибюле и кинулась куда-то в сторону, прячась за рекламный щит. Я уткнулась носом в стену и закрыла глаза. В начале слезы покатались ручейками, а потом полились рекой, смывая розовые очки и сдергивая пелену с глаз. Господи, ну какая я дура?

Я всегда ей была, если дело касалось отношений между мужчиной и женщиной. Восторженной Джульеттой, которой меня умудрились назвать. По шерстке и кличка! Романтичная особа без капли понимания, что тебя все это время просто использовали.

Меня резко ударило в жар от понимания произошедшего.

Растегнула свою зимнюю куртку, старую в отличие от новенькой Мишиной.

Ведь тогда на конкурсе, сто пудов победила бы я. И меня бы приглашали выступать. Как Миша изящно вывел меня из игры, еще и год прожил за мой счет и в моей квартире. Я захлюпала носом, доставая из сумочки влажные салфетки.

А сейчас? Я же только на днях ему денег отослала на полгода вперед, чтоб любимый не переживал и не отвлекался. Даже сверх того. Заняла как дура у половины знакомых. Ведь Миша сказал, что ему надо с профессором позаниматься. Вон он, этот профессор. Я хлюпнула носом. А мне гвоздички приносил всегда.

— Мышка, этот цветок так подходит к тебе. Такой же скромный, но яркий.

Захотелось постучать головой об стенку. Дура! Непроходимая дура. Я высморкалась. Внутри медленно нарастала злость. Ну, я тебе покажу! И деньги, и небо в алмазах, и гвоздички.

Вначале аккуратно выглянула и посмотрела, не маячит ли эта сволочь рядом? Нету. Сейчас, когда я стала закипать, мне лучше с ним было не встречаться. Я боялась, что могу сейчас устроить скандал. Нет, мне надо остыть. Выдохнула. Опять вспомнила ту картину. И поняла, что меня добило. Цветы, чтоб их! Я всегда любила розы, но Разинский мне упорно таскал гвоздики.

Вышла из-за щита. Около него толпилась группа разно-

шерстных товарищей от божьего вида до таких же мышей, как я. Сереньких. В очечках на пол лица. Что они там смотрят все?

Хм. Я глянула на щит. Ба! Да это же расписание экзаменов на июль. И тут во мне поднялась то, что раньше называлось гордостью.

Я хмуро, как леопол Красин, раздвинула любопытствующих и устала на даты. Через шесть месяцев? А почему бы и нет? Что меня держит в Смоленске? Ничего и никого. По крайней мере, летом.

Я отработаю положенное. Завершу все истории с учениками и параллельно буду готовиться к поступлению в консерваторию.

А еще подам на развод и попрошу развести без моего присутствия.

Все эти месяцы от Миши дежурно приходили смски типа:
— Любимая. Очень скучаю, но весь в работе.

— Занят до безобразия, но люблю.

— Не сплю ночами — готовлюсь, но постоянно вспоминаю о тебе.

Ага, — думала я. — Вспомнит он про меня точно, когда деньги закончатся.

Я даже по телефону с ним смогла общаться, когда перегорело внутри моя любовь. Коротко. Говорила, что или устала, или с учениками. Разинский тоже не стремился болтать долго. Убеждался, что рыбка все так же на крючке, облегченно

вздыхал и прощался.

Через три месяца я получила свидетельство о разводе. Аккуратно положила его в файллик. Затем выписала бывшего благоверного со своей площади, как собственница.

Не могу сказать, что развели по щелчку—нет. В суд пришлось походить, потом участковый несколько раз приходил, проверял, действительно ли он не проживает. Спросил про адрес, а я честно сказала, что не знаю. Он же мне и вправду его не давал.

— Ты моя умничка. Как же я рада, что ты, наконец, обрзумилась, — хвалила меня преподавательница. — Юлечка, я просто уверена, что ты поступишь.

И вот когда до начала экзаменов остался месяц, я собрала вещи и поехала в Питер.

— Джульетта, так это прекрасно, что ты так решила, — по видеосвязи объявили мне родители. Такие загорелые и веселые, прямо зависть взяла с них. — мы полностью на твоей стороне, а этот гаденыш нам давно не нравился, но мы молчали, чтоб тебя не расстраивать. Конечно, отправляйся в Питер, заодно и за Колей присмотришь. Что-то нам не нравится, как он стал редко отзваниваться по телефону и все время денег просит, хотя мы и так немало ему высылаем.

Я вздохнула. Колька был еще тот фрукт — падкий до плохих компаний. Тетя Катя частенько говорила про него:

— Колька наш, как тот поросенок, везде грязь найдет. То в деревне у бабушки с хулиганами свяжется, которые по ого-

родам промышляют. То в городе неизвестно с кем болтается.

И теперь родители перекладывали свою головную боль на меня. Братец был младше меня всего лишь на два года, а мне предстояло числиться при нем Цербером. Но деваться было некуда. Родители — дело святое. И я со своими двумя чемоданами отправилась занимать тете Катину комнату.

С соседкой нашей, Ариной Рудольфовной я познакомилась еще в детстве, когда меня посылали погостить к тете Кате. Походить по музеям, посетить концерты. Я любила Питера. Любила его темные дворы-колодцы. Дома непохожие друг на друга. Он заряжал меня своей энергией.

И когда я открыла входную дверь и внесла чемоданы в свою комнату, сразу отправилась поздороваться.

Поскреблась.

— Открыто, — зычным голосом ответили с той стороны.

— Здравствуйте, Арина Рудольфовна.

— Джульетта! девочка моя! — самая старшая из жителей коммуналки, как всегда, раскладывала карты. Иногда она гадала, но чаще собирала пасьянсы.

— А мне карты говорят нежданная гостья. Я все думала, кто же это мог быть. А про тебя даже и не подумала. Ты в гости?

Я помотала головой и сказала:

— Наверное, жить.

— Подожди. А муж? Ты же замуж за какого-то красавца музыкантишку выскочила. Где муж?

— Муж обьелся груш, — хмуро буркнула я. Рассказывать про ту сцену в консерватории и свою слепоту очень не хотелось.

Арина Рудольфовна взглянула на меня поверх очков:

— Развелась.

Она даже не спросила. Она констатировала факт.

Я кивнула.

— И правильно. Мне карты сразу тогда сказали, что недостоин он тебя. Тебе по жизни другой предназначен.

Я тяжело вздохнула.

— Не сопи. Ставь чайник, рассказывать будешь о своих планах.

Глава 7

ак я поселилась в пятой комнате нашей коммуналки. Вторая числилась за Колькой. Братцем моим непутёвым. Третья принадлежала Арине Рудольфовне. Четвёртая сдавалась молодой паре, а пятую занимал Иван Иванович — наш тихий пьяница, взъерошенный мужчина неопределённого возраста, ближе всё-таки к шестидесяти годам.

Когда я увидела его впервые, сразу поняла про кого писал Блок: "И пьяницы с глазами кроликов.» Глаза у Иван Ивановича были одновременно и красные, и кроткие. Арина Рудольфовна очень его жалела.

— Безобидный он, добрый, а жены ему все стервы попадались. Вот он на их фоне и впал в пьянство.

Комната Арины Рудольфовны была самая дальняя по коридору, а Колькина первая, до неё музыка и смех оттуда не долетали. Зато у меня всё было слышно наипрекраснейшим образом. Высказывала я ему не раз претензии, но с него как с гуся вода.

А когда он был один — стучи ему в комнату, не стучи — бесполезно, в наушниках сидел. Легче по телефону писать. Но не это самое неприятное. Самое поганое, что у него частенько бывали гости. В особенности один, который, казалось, дневал и ночевал у него постоянно. Валерий Леденцов.

Его сальный взгляд хотелось оттереть мочалкой. Я

невольно сутулилась и мне приходилось с ним сталкиваться. А происходило это постоянно.

Стоило мне выйти из комнаты, чтобы посетить удобства или банальное сходить на кухню — чай поставить, этот блондинчик сразу выныривал из недр Колькиной комнаты и слащаво улыбался. В замочную скважину, что ли, наблюдал? Или нюх у него был отменный? Кстати, может быть, у него кончик носа двигался иногда. Кого он мне напоминал? Крысу альбиноса.

Я не знаю, отчего у меня была такая негативная реакция на этого человека. Множество девиц, очень похожих на новую пассию моего уже бывшего мужа, с которыми Валера приходил в гости к братцу, просто гроздьями винограда висли на нем.

Одетый с иголочки, с лёгкой полуулыбкой на лице. До-

вольно приятной наружности, если не смотреть на его кончик носа, и шлейфом дорогого парфюма. Я не понимала, что в нем у меня еще вызывало отвращение, кроме носа естественно.

Может зауженные брючки? Или тонкие губы, да слегка женственное лицо. Хотя он был высокого роста и с хорошей фигурой. Сколько ни думала, не могла назвать точную причину. Ну подумаешь, кончик носа двигался, у некоторых вон глаз дергается, и ничего. Не знаю, в общем.

И уж тем более я категорически не понимала, чем могла зацепить его. Я же вечно в джинсах и футболке оверсайз. Да, волосы у меня были хорошие — густые, светлые, но я их старалась не распускать, чтобы не привлекать лишнее внимание к себе.

Но все это не спасло меня от липких взглядов Колькиного дружка. Девушки, приходящие с ним громко и театрально, фыркали, оглядывая мою внешность, хватали Валеру за руки в надежде увести обратно в комнату, но он криво улыбался и говорил бархатым обволакивающим голосом:

— Иди, дорогуша, в комнату. У меня здесь важный разговор намечается.

Я старалась убежать к себе со словами:

— Валерий, извините, мне некогда с вами разговаривать. Я к экзаменам готовлюсь.

На что непонимающий слов человек перегораживал мне дорогу и шептал:

— Зачем такой красоте учиться? Пойдем вечером погуляем, Джулия.

Я интенсивно мотала головой, подныривала под рукой перегородивающей проход и скрывалась в своей комнате. Затем запиралась на замок.

И еще меня раздражало имя — Джулия. Меня просто корбило от него. От этой формы, от тона, которым шептал его Валера. Почему-то я сразу ощущала себя великовозрастной грудастой теткой.

В общем надоел мне этот товарищ до чертиков, но разговор с Колькой я решила отложить до окончания экзаменов. Поступлю в начале, а потом буду условия совместного проживания в коммуналке ставить.

И вот этот великий судьбоносный день настал.

Глава 8

Сегодня я выгляжу сногшибательно, по крайней мере, так говорит мое отражение. Я сделала высокий пучок и легкий макияж, надела свое самое красивое платье — оранжевое, недавно купила. Увидела его в витрине, зашла и купила. Ну и пусть, что дорогое. но оно мне так шло!

Вот если бы меня такую увидел Миша, точно бы локти начал кусать, но сегодня моя цель вовсе не он, а экзамен. И у него назначено позже по времени, так что в этот раз не увидимся.

Нервно поправляю подол и иду на творческое испытание — игра на музыкальном инструменте. За него я переживаю больше всех.

Он был главный, за остальные я не боялась. Русский, литературу, теорию музыки я уже прошла, хоть и не знала оценок. Но в себе не сомневалась. Потому что вызубрил их. А музыка — это другое. Здесь важен талант, чувства. А теория, теория здесь мало чем могла помочь. К тому же возможно, среди поступающих есть, куда более талантливые ребята и для меня места просто не останется.

А мне просто необходимо поступить на бюджет, чтобы спокойно учиться и не висеть на шее родителей. Заодно утереть нос бывшему. Ох, только бы не облажаться. А то из-за этого соседа с его ужасным ремонтом и шумом, я порой даже не слышала, что играю дома.

Несмотря ни на что, свою программу я отыгрываю хорошо. Не могу сказать, что блестяще, но внутренне я вполне довольна собой. И даже вчерашний конфликт с рабочим не отразился на моем внутреннем состоянии. Ой, ну подумаешь — варвар невоспитанный. После Миши я как-то закалилась. И всё же легкий мандраж не отпускает.

Я знаю, что списки с результатами вывесят только на следующий день. Но никак не ожидаю, что Миша внезапно решит оживиться. Этим вечером, накануне оглашения оценок, от моего пока еще мужа — который, конечно же, даже не ведет о своем новом статусе «бывшего» — начинают сыпаться звонки.

Я сижу и молча смотрю на телефон. Он вибрирует на столе, а на экране настойчиво мигает контакт «Любимый». Что я чувствую в этот момент? Абсолютно ничего. Внутри меня разливается лишь звенящая пустота, в которой этот назойливый звонок отдается эхом. Выгорело у меня там все. Единственная мысль сверлит мозг — надо будет сменить имя контакта. Спустя минуту я просто отключаю звук.

Гашу в комнате свет, плотнее закутываюсь в мягкий плед и с ногами забираюсь на широкий подоконник. Питерский двор-колодец, окутанный легкой туманной дымкой от моросящего дождя, буквально завораживает. В свете одинокого оранжевого фонаря мелькают редкие машины — приезжают, уезжают, светят фарами сквозь сырость. Прохожие суетливо перепрыгивают через лужи, а одну, особенно огромную, осторожно обходят по стеночке.

Перед глазами всплывает та сцена: Миша со своей любовницей, — мне снова становится противно, как будто выпачкалась в чем-то мерзком. А первое время было просто невыносимо обидно. Очень. Жгучая тоска и одновременно злость, словно ядовитая крапива, обжигали душу при каж-

дом вздохе. Я полностью доверилась человеку, а он хладнокровно меня предал. Моя первая любовь. Неужели я ничего для него не значила? Похоже, так.

Но теперь меня спасает музыка и желание поступить в консерваторию. Меня держит на плаву злая, отчаянная цель — утереть ему нос. И пока я уверенно иду к ней, моя боль постепенно смылась, исчезла, как весенняя грязь с мокрых питерских мостовых.

Завтра мы наверняка с ним встретимся. Сто процентов, пересечемся у стендов. Приемная комиссия обещала, что результаты вывешат ровно в полдень. Там-то и наступит наш момент истины. Скорее всего, он явится не один, а притащит с собой ту самую девицу. Вот и прекрасно. Мне даже не придется ничего объяснять и подбирать слова. Все факты будут стоять рядом со мной, сверкая огромной грудью и накачанными пухлыми губами.

Экран телефона снова вспыхивает. Не дозвонившись, Миша присылает сообщение:

Мышка, привет. Ты, наверное, оставила телефон дома и убежала к своим ученикам. Никак не могу до тебя дозвониться. Как же я соскучился по тебе, любимая. Готов прямо всё бросить и рвануть к тебе, но понимаю, что нельзя. Не могу подвести семью и нашего будущего малыша. Может, потому, что так сильно скучаю, боюсь, что завалил экзамен и не поступил на бюджет.

Родная, хотел спросить: потянем ли мы мое платное обу-

чение? Я, конечно, потом обязательно буду пробовать устроиться куда-нибудь на подработку, но первое время, ты же понимаешь, это невозможно. И если на это не хватит наших заработков, может, имеет смысл продать твою квартиру и съехать в более маленькую? А потом, после консерватории, когда я буду много зарабатывать, купим жилье еще лучше и просторнее! Твой безумно любящий тебя муж.

Из груди вырывается короткий нервный смешок.

А ведь раньше Я задумываюсь: а что бы я сделала раньше? Наверняка тут же помчалась бы узнавать, за сколько можно продать мою квартиру, и начала бы лихорадочно написывать всем знакомым, что срочно ищу новых учеников. Да, именно так бы всё и было. А сейчас я просто тупо смотрю на улицу, на желтоватый свет чужих окон, отражающийся в дрожащей луже, и не чувствую абсолютно ничего.

В этот момент во двор нагло въезжает тяжелый джип и, даже не думая сбавлять скорость, проносится прямо по луже. Грязная волна с плеском окатывает стену дома. Машина резко тормозит практически у самого моего подъезда. С водительского кресла выскакивает какой-то здоровый мужик и по-хозяйски оглядывается по сторонам.

С высоты моего третьего этажа, да еще в сгущающихся питерских сумерках сквозь легкий туман, разглядеть его толком тяжело. Просто мощный силуэт. Но мне вдруг, кажется, будто на нем надет самый настоящий доспех. Он что, с какого-то косплея к нам появился? Присматриваюсь внима-

тельнее. Вроде не показалось. Бронежилет? Отсюда не разоб-
раться. Да и какая мне, в сущности, разница.

Может, это новый жилец, тот, что купил эту злосчастную
квартиру и затеял в ней ремонт? Опять вспомнила, как ру-
галась с его рабочим. Когда коммуналку сверху продавали
к нам постоянно приезжали люди на просмотры. Степенно
приезжали, а не так залихватски. Бандит наверное.

Ну, тогда понятно. Каков хозяин такие и работники. Под
свой уровень подбирает. Варвар. Ну, да и бог с ним. Мне
сейчас совершенно не хочется о нем думать. Других проблем
хватает.

Я медленно провожу пальцем по холодному стеклу, слов-
но поглаживая тот самый оранжевый фонарь, светящийся в
тумане каким-то теплым, почти волшебным светом. Завтра.
Завтра я поставлю жирную точку и раз и навсегда переверну
эту страницу своей жизни.

Взгляд скользит по комнате, и я задумываюсь: а в чем
мне пойти в консерваторию? Как появиться там эффектнее
всего? Спрятаться за привычной повседневной одеждой или
предстать во всей красе? Опять в оранжевом платье пойти?
Не хочу. Оно для торжественных случаев куплено. Так, мне
нужно срочно с кем-то посоветоваться. Но с кем?

Решено. Пойду-ка я поскребусь в дверь к соседке, Арине
Рудольфовне. Она — умная, плохого не посоветует. Ну и ни
к Кольке же идти, в конце концов за этим.

Глава 9

— Тук-тук. Арина Рудольфовна, к вам можно?

— Заходи, Джульетта. Я уже чай заварила, — радостно приветствует меня наше «команданте». — Китайский, три дня назад по скидке в «Пятерочке» купила. Там такой аромат! Наливай себе чашечку и присаживайся. Я только с полей пришла. Умаялась, сил нет, но все посадила.

У Арины Рудольфовны в старости проснулась тяга к земле, а точнее к работам на ней. Когда коммунальщики собрались полностью вымостить брусчаткой наш двор, она Цербером стояла над маленьким кусочком природы, бросаясь, как гринписовска с зонтиком под лопаты рабочих. Писала письма, донимала управляющую компанию. Главный там даже на больничный ушел с нервным расстройством, после нескольких визитов нашей дамы. Но Арина Рудольфовна победила, и теперь у нас при входе во двор сбоку появился оазис в центре каменных джунглей.

— Знаешь что я там посадила? Бархатцы. Они яркие и никто не польстится. Единственное надо все-таки какое ограждение для клумбочки выбить, а то в ночи машина какая приедет и не дай бог проедет по моим посадкам, или кто потопчетя сослепу.

Я, конечно, все посажу заново, но боюсь, что разозлиться могу. А когда я злая — я непредсказуемая. Найду этого мер-

завца и покалечу. Конечно, потом переживать буду — вальерьянку пить. Но зачем мне такие стрессы, в моем то возрасте.

Вот сейчас сижу, расклад делаю, кто мне в таком вопросе поможет. В местную администрацию пойти или самому президенту письмо писать.

Наверное, в роду у Арины Рудольфовны точно затесались ведьмы. Иначе объяснить ее непреодолимую тягу к гаданиям просто невозможно. Ну, или это настоящий дар. Если, конечно, верить во всякие рода мистические силы.

Арина Рудольфовна не раз пыталась рассказать мне, какие карты, что обозначают. Но я запомнила только одно: шестерка пик — это поздняя дорога, а перевернутый туз пик — удар. К тому же нужно постоянно учитывать различные комбинации, в которых я бесконечно путаюсь. Поэтому я уже давно со спокойной совестью признала свою полную неспособность к гаданию. Чем, кстати, очень огорчила Арину Рудольфовну.

Чай и в самом деле, оказывается, очень вкусным, с тонким запахом цветков жасмина. Да и чашечки у нас не простые. Старинные, из такого тонкого фарфора, что, кажется, чайная ложечка просвечивает сквозь стенку.

Я делаю глоток.

— Бери сахар. Он для мозгов полезен, — наставляет меня Арина Рудольфовна.

Моя соседка использует сахар-песок исключительно для выпечки. А вот чай предпочитает пить только с рафинадом

вприкуску.

— Так вкуснее, — улыбается она.

Я обожаю сидеть у нее в комнате среди бесконечных ажурных салфеточек и фарфоровых статуэточек. Жалкие остатки дедовской коллекции, которая спасла жизнь маме и бабушке в блокаду, — привычно повторяет Арина Рудольфовна, любовно вытирая пыль со всех этих пастушек и трубадуров, когда я начинаю их хвалить.

Периодически соседка любит включать полную немоощь. Особенно когда ей приспичивает в туалет, а там кто-то сидит. Я бедная старая женщина, которой просто необходимо срочно посетить это заведение! Быстро выходите, кому сказала!

И вот, на слабых ногах, театрально держась за стеночку, она входит в пулей освобожденную уборную. Зато буквально через полчаса наша дама при полном параде, в ажурных перчатках и шляпе уже бодро топает в сторону магазинов. Обойти ближайшие «Магниты», «Пятерочки» и «Дикси», переписать все скидки и закупить самое нужное — это для нее сродни профессиональному спорту.

Частенько до меня из открытого окна доносятся хвастливые речи местных дам глубокого пенсионного возраста. Они бурно обсуждают, кто и где нашел что-нибудь интересное и жутко дешевое. В этих негласных соревнованиях лидерство, как правило, уверенно держит наша Арина Рудольфовна.

Единственное, отчего я грустно вздыхаю — это ее катего-

рическая непереносимость домашних животных. Раньше, я помню, когда частенько приезжала сюда к тете Кате, в соседней комнате жила женщина, обожавшая кошек. Она постоянно приволакивала с улицы бесчисленное множество котят. За это она подвергалась суровым гонениям со стороны главнокомандующей нашей квартиры. В итоге, проиграв эту битву, кошатница съехала в домик в садоводстве, успешно сдав свою комнату молодой паре.

У меня очень тонкое обоняние, и запах кошачьей мочи я чувствую даже через замочную скважину! — это всегда было ее главным аргументом в спорах с любим, кто вздумал бы возразить.

А почему я сейчас печалюсь от этого факта? Из-за котенка. Каким-то макарон он совсем недавно оказался в нашем подвале. Маленький, черненький, с белым пятнышком на мохнатой щеке. Я бы с радостью приютила Черныша, но из-за Арины Рудольфовны мне приходится просто бегать на улицу и подкармливать его. И раз не могу себе забрать, то попытаюсь пристроить в добрые руки. А пока ухаживаю как могу.

— Ну, что я тебе скажу, Джульетта, — подперев рукой морщинистую щеку, задумчиво выдает соседка. Карты ей уже подсказали, что по вопросу ограждения клумбы лучше всё-таки писать самому, и теперь она решила заглянуть в мое будущее. — Ждут тебя испытания. И аж четыре короля. Вот ты глянь, как они около тебя выстроились! Ну, вот этого мо-

жем не считать, Николай — это наш непутевый. Но это до поры до времени. Потом за ум возьмется. Карты так сказали. Правда, только после военной службы.

— Вылетит, что ли? — пугаюсь я.

— Не знаю. Но неприятности у него точно будут. Какого рода — не скажу. А вот эти три — явно не родственники, и прямо виться около тебя будут. И, что странно, со всеми ты будешь враждовать, — Арина Рудольфовна постукивает указательным пальцем по карте, которая якобы об этом говорит.

Я грустно хмыкаю:

— Один — это сто процентов мой бывший муж. Завтра как раз с ним встречусь. Кстати, как у меня с поступлением?

Арина Рудольфовна озабоченно смотрит на меня поверх очков и отмахивается:

— С этим вообще вопросов нет — поступишь. Но вот в недалеком времени ждет тебя испытание. Что-то страшное, девочка. И опять все трое в нем участвовать будут.

Она резким движением смешивает карты:

— Фух. Боюсь дальше смотреть. Веришь? В первый раз боюсь в будущее заглядывать. Слишком много черноты там. Поддай-ка мне валидольчику. Ох, даже сердце заныло.

Я послушно подбегаю к серванту и вытаскиваю глубокую чашку, доверху набитую блистерами с таблетками. Нахожу нужную и вручаю ее Арине Рудольфовне. Она сидит в задумчивости, не отрывая взгляда от колоды, потом говорит:

— И вообще, тебе новый муж нужен. Нормальный, а не твой бывший нарциссик. Ты у нас девушка нежная — тебе защита нужна. Есть у меня приятельница одна, у нее сынок. Володенька. Очень толковый молодой человек.

Она замолкает на секунду и, замявшись, поправляется:

— Ну, не совсем молодой, конечно, но в самом расцвете сил. Сорок ему. Ниночка всё никак не может подобрать ему жену. Как ты на это смотришь?

Я округляю глаза:

— Плохо, Арина Рудольфовна. Никак на это не смотрю. Спасибо. Один раз уже там побывала. Такой дурой, как в браке, я себя никогда в жизни не чувствовала. Причем полной дурой. И, кстати, завтра я отправляюсь в консерваторию, чтобы донести до бывшего эту счастливую новость — мы с ним покинули когорту состоящих в браке. Собственно, я и пришла посоветоваться на этот счет.

Я делаю паузу, собираясь с мыслями:

— Наверняка там будет и его новая любовь. Как вы думаете, в каком виде мне туда явиться? При полном параде и в платье? Дескать, вот кого ты потерял. Но ведь это можно расценить так, будто я хвастаюсь или пытаюсь завоевать его заново. А я хочу всем своим видом показать, что он для меня — перевернутый лист.

Арина Рудольфовна поджимает губы, откидывает голову и осматривает меня придиричивым взглядом. Вдумчиво пыхтит, а затем безапелляционно заявляет:

— Значит так. Идешь в джинсиках и в футболке. Только надень ту, что в обтяжку. Эту, мешковатую, только дома носи. Но волосы нужно распустить! Глаза и губы — подкрасить. Вот посмотри на меня. Я вообще без макияжа из дома не выхожу.

И она смотрит на меня сурово и назидательно.

Что да, то да. Тонкие морщинистые губы Арины Рудольфовны всегда аккуратно подкрашены. И не какой-нибудь вульгарной красной помадой, а деликатной, чуть розовой. Лицо всегда припудрено, а вокруг глаз мастерски нанесена подводка.

Да, наверное, соседка права. Так я и сделаю. Я быстро споласкиваю посуду, аккуратно ставлю хрупкие чашечки в сервант и благодарю мудрую женщину.

— Пойду я тогда, футболку поглажу. Спасибо вам за совет.

— Всегда пожалуйста. А насчет Володеньки ты всё-таки подумай! Очень серьезный молодой человек. С высшим экономическим образованием. Давай я как-нибудь позову их на чай

Что она говорит дальше, я уже не слышу, потому что плотно прикрываю за собой дверь. Что-то у меня совершенно не лежит душа знакомиться с этим самым Володенькой.

Глава 10

Я тщательно подготовленная направляюсь в консерваторию. Сердце гулко колотится в груди. Нет, теплых чувств к бывшему мужу у меня уже не осталось. Вместо них — сплошное разочарование. Но вот отрицательные никуда не делись, хотя я убеждала себя, что все успело кануть в Лету.

А вот и нет. Сейчас это прямо очень прочувствовала. И очень боялась, что на эмоциях вдруг психану, расплачусь или выкину еще что-нибудь в этом духе? Я же не железная. И еще непонятно, как Миша себя сейчас поведет.

Конечно, в голове я рисую красивую картинку. Вот я гордо прохожу мимо. Держу спину ровно и высоко вздергиваю подбородок. Небрежно вручаю бывшему мужу свидетельство о разводе и желаю счастья в новой холостой жизни.

Представляю, каким это будет шоком для Миши. Чтобы милая послушная угодливая мышка и так поступила.

Раньше я верила во все его сказки. Мирилась со всеми его недостатками. Из любви. Но до поры до времени. Просто, я из той породы людей, которые долго терпят и медленно тлеют. А потом внезапно вспыхивают и становятся упертыми, как бычки. С места не сдвинуть, если решила, — всегда говорил мой папа про меня.

Думаю, Миша устроит сцену, после того как узнает о разводе. Он ведь считает, что я прежняя наивная дурочка, ко-

торой можно навешать очередную порцию лапши.

Встречу с ним я запланировала прямо в консерватории, около тех самых списков с поступившими. А где мне его еще вылавливать? Так что наше окончательное расставание пройдет прилюдно. Сто процентов Разинский туда явится. Интересно, а он поступил?

Но нужный момент еще надо подловить. Поэтому я мчусь на всех парах к самому открытию. Хочу затаиться в уголке и не пропустить бывшего благоверного. Полюбуюсь на его высокомерное лицо вначале издалека. Хорошо, что на мне балетки — можно и пробежаться.

По пути ко мне даже пристраивается какой-то тип развязной наружности.

— Девушка, а куда вы так спешите? А давайте познакомимся?

Я не отвечаю, боюсь сбить дыхание. Только кошусь на него. Хочется сказать, что мама запретила мне знакомиться на улице. Но это прозвучит по-детски, поэтому я просто молчу.

Дыхалка ухажера не выдерживает и пятисот метров. Отстаёт. Ну и славненько. Я пробегаю еще метров сто и перехожу на быстрый шаг. Переусердствовать тоже не стоит, иначе буду пахнуть, как загнанная лошадь.

Всё, успокаиваемся. Вот и консерватория. Я внимательно оглядываюсь по сторонам. Мишеньки моего не видать. Оно и понятно, он явно явится попозже. А я пока проверю в спис-

ках и себя, и его.

Есть! Злорадничать, конечно, плохо. Но мой бывший муж не поступил на бюджет! На какие шиши он теперь собирается учиться платно и снимать квартиру — меня уже совершенно не волнует. Так, теперь отходим в уголочек и ждем.

Я успеваю пролистать все новости в телефоне. Отписываюсь родителям и преподавательнице о поступлении. Изучаю афишу на предмет интересных выступлений. Иду к автомату купить бутылку воды И тут появляется он. Без своей пассии. Один.

А вот это жаль. Сейчас он уйдет в глухую несознанку и начнет выяснять отношения. Скажет, что мне показалось, и вообще это был не он. Еще и обниматься может полезть. Только не это. Боюсь не выдержать и дать пощечину. Вдох-выдох, вдох-выдох. Успокаиваемся. Я расстегиваю сумочку. Чуть вытягиваю наружу файл со свидетельством. Готовлюсь.

Так. Он подходит к стенду. Кусает губы и лихорадочно пробегает глазами по спискам счастливиц, ища свою фамилию. Всё-таки хорошо, что я тогда оставила свою, простенькую. Звучит, конечно, забавно — Джульетта Жарикова. Я честно хотела ее поменять. Но Михаил тогда намекнул, что лучше этого не делать. А вдруг мы с тобой будем вместе на концертах выступать? Так гонорар может быть больше, — сказал он. О такой практике я, конечно, отродясь не слышала, но согласилась.

Миша заканчивает изучать список. Удивления на лице не читается. Значит, на некую Д.Жарикову внимание он не обратил, конечно, его интересовал только М. Разинский.

Миша кривится так, будто проглотил кислый лимон, и со злости бьет кулаком по ладони. Затем в раздражении резко разворачивается всем телом. На лице воцаряется крайне мрачное выражение. Он утыкается взглядом в пол, качается с пятки на носок. А потом достает телефон.

Черт! Я махом выхватываю свой смартфон. Едва успеваю перевести его на беззвучный режим, как экран загорается входящим вызовом. Народу здесь уже толпится предостаточно. Я могу спокойно разговаривать, оставаясь для него незамеченной.

— Привет, мышка, — мой бывший благоверный растягивает губы в приторной улыбке.

— Привет.

Я издалека наблюдаю за его лицом. Как интересно смотреть за сменяющимися на нем выражениями.

— Я так соскучился, — нежно воркует он в трубку. Но тут же отстраняется и корчит телефону гримасу полнейшего отвращения.

Даже так? Всё зашло настолько далеко? Я не ожидала такого лицемерия. Нет, сейчас я, конечно, обо всем догадывалась, но не до такой же степени! Я молчу, жду, что он выдаст дальше.

— Понимаешь, тоска по тебе — жуткая вещь. Я завалил

экзамен. Но на платное еще могу попасть. Ты подумала над моим предложением?

— Над каким? — интересуюсь я абсолютно ровным голосом. Именно наблюдение за ним со стороны успокоило меня до каменного состояния.

Он отстраняет телефон от уха и с искренним удивлением смотрит на экран. На лице появляется растерянность.

— Ну как это? Подожди, ты читала вчерашнее сообщение?

— А, ты про это. Да, читала.

Миша снова смотрит на экран, словно проверяет, той ли жене он звонит.

— И что? Что ты скажешь?

Мне хочется поиздеваться. В отместку за всё:

— Что скажу?

Миша уже психует и буквально орет в трубку:

— Чтоб ты квартиру продала! Или поменяла на меньшую с доплатой!

Вдруг замечает, что на него начинают оглядываться люди. Тут же возвращает приторное выражение лица и снова нацепляет улыбку:

— Чтобы мне за учебу заплатить. Мышка, я понимаю, это трудное решение. Но муж и жена должны поддерживать друг друга.

А меня резко утомляет этот спектакль. Вдруг наваливается жуткая усталость, будто я только что пробежала марафон.

Я сбрасываю вызов. Выхожу из своего укрытия и направляюсь прямо к нему, на ходу вытаскивая свидетельство о разводе.

— Нет, Миша, — я встаю прямо напротив него.

Он растерянно поднимает взгляд от телефона.

— Я тебе больше ничего не должна. Мы с тобой в разводе, — говорю я и решительно протягиваю ему заветную бумажку.

Миша непонимающе скользит взглядом по листку и трясет головой. А я киваю:

— Да, мой дорогой. И из квартиры я тебя тоже выписала. Как единственная собственница.

— Что? — лицо бывшего вытягивается, и он глупо хлопает ресницами.

Кажется, Миша резко отупел и напрочь забыл русский язык.

— Миш, — я страдальчески смотрю на него. — Мне тебе на английском повторить? Так ты же его не знаешь.

— Мышка, ты вообще откуда здесь взялась? Что происходит? — начинает приходить в себя Разинский.

— Я теперь живу в Питере. И да, я поступила в консерваторию. На бюджет, — поясняю, как маленькому.

— Что? На бюджет?

— Да, Миша, представляешь? Не веришь — иди и проверь, — я машу рукой в сторону списков.

Разинский не верит и послушно трусит к стенду. Удосто-

вернется и возвращается ко мне.

— Мышка, я не понимаю, к чему этот пассаж, — он нервно потрясает свидетельством.

— К тому, что я видела, как ты мило проводишь время с одной пышногрудой девицей.

Тень недовольства пробегает по красивому лицу бывшего мужа. И как я и предполагала, принимает позу оскорбленного достоинства, картинно вздыхает и делает шаг ко мне.

— Мышка, я не знаю, что ты там увидела и что себе навоображала. Это могли быть просто поклонницы моего таланта. Ты же знаешь, я люблю только тебя.

Я усмехаюсь. Судя по его оговорке — их, получается, было несколько?

— Прекрасно. Вот и желаю тебе счастливо оставаться с ними со всеми.

Я резко разворачиваюсь и иду на выход.

— Мышка! — бросается за мной Разинский. — подожди! Ну да. Может, ты и видела, что я кого-то там чуть приобнял

— Приобнял? — я на секунду оборачиваюсь. — да вы целовались прямо посреди улицы! А ты при этом тискал эту дамочку за задницу. Всё, Миша. Я была полной дурой и честно это признаю. Поэтому — счастливо оставаться.

— Подожди, но как же я?! А моя учеба?! — изумленно жестикулирует бывший.

Я равнодушно пожимаю плечами:

— Это уже не моя проблема. Кстати, оставшиеся в квар-

тире твои вещи я собрала в баулы. Отвезла их на склад «Твоя кладовка». Арендовала ячейку на твое имя до тридцать первого августа.

— Мои вещи?! Мышка, ну постой, не уходи! Да, я сгруппировал! Я от волнения был как не в себе. Давай поговорим! — Миша в панике мчится за мной на улицу.

— Нам не о чем говорить, — грубо отрезаю я.

Я останавливаюсь у обочины и начинаю вызывать такси в приложении.

— Всё, Разинский, мы в разводе. Больше не будет каши и кофе по утрам. Не будет денег на съём квартиры. Не будет оплаты профессоров. Теперь всё сам.

Мне везет. Желтая машина примчалась махом. Миша пытается сунуться за мной в салон, но я громко и четко говорю водителю:

— Этот человек не со мной.

Суровый дядечка за рулем грозно оборачивается и выразительно смотрит на Разинского.

— Мне выйти, или сам дверь закроешь? Бывший муж растерянно отпускает ручку двери. Его глаза лихорадочно бегают в поисках выхода из этой патовой ситуации.

Я не удерживаюсь от финального злорадства:

— Что, Миш, план «Б» сорвался?

Глава 11

А в Питере прохлада и привычный дождь. Да, права была тетя Катя, царствие ей небесное: зонтик в нашем городе надо брать, даже если на небе ни облачка. Ташу свой чемодан по лестнице, предвкушая тишину и горячий душ. Арина Рудольфовна наверняка убежала по магазинам.

Колька в Сочи. Его комната заперта, и теперь никто не будет копошиться в моем холодильнике, нагло тыря докторскую колбасу. «Жуль, я сам не заметил, как она закончилась. Что на меня нашло, право, не знаю. Затмение!» Точно так же обычно пропадают плюшки и таинственно испаряется суп из кастрюли. Точнее, мясо из него.

А еще на душе царит покой от мысли, что как минимум на пару недель, а то и на месяц я избавлена от общества его друзей и подружек. Там уже учеба начнется, поэтому милый братец явится. А в особенности я не буду сталкиваться с Валерием. Никакого топота, громкого хохота, повизгивания девиц и, главное, его сального, липкого взгляда. Вот нашел же Колька себе приятелей. Неужели никого поприличнее отыскать не мог?!

Скидываю чемодан и несусь по делам. Надо в консерваторию заскочить. Да и в магазин тоже не помешает, а то в холодильникемышь повесилась.

Появляюсь дома лишь к вечеру. Только успеваю скинуть

куртку на вешалку, как приоткрывается дверь Арины Рудольфовны, и меня манят загадочным движением бровей. Глаза поверх очков смотрят требовательно.

— Джульетта! Девочка моя! — зычный голос нашей квартироправительницы перекрывает привычный строительный грохот сверху. — Карты сказали, что ты сегодня вернешься. Заходи, не стой в коридоре, сквозняк! Я как раз гостей пригласила.

Глаз за толстой линзой заговорщицки подмигивает. — Это моя старая подруга со своим сыном Володей.

Обреченно вздыхаю. «Гости». Сейчас это слово означает лишь одно: Арина Рудольфовна всё-таки решила устроить мою личную жизнь. Засовываю продукты в холодильник и покорно, как на Голгофу, тащусь в ее комнату, насквозь пропахшую лавандой. «Она и от моли, и успокаивает», — неустанно повторяет соседка.

За столом, среди бесконечных вазочек с печеньем и различными видами джема, восседает полная дама лет шестидесяти. На ней нелепое платье с рюшами, а несет от нее дешевыми духами и властью. Рядом с ней, слегка сгорбившись и стараясь занимать как можно меньше места, сидит мужчина лет сорока. На нем вязаный свитер с оленями, который в летнюю, пусть и прохладную, погоду выглядит так, будто на носу Новый год. А на лысеющей голове пух из светлых волос.

— Джульетта, знакомься, — торжественно объявляет Арина Рудольфовна. — Это Нина Сергеевна, моя старая

приятельница. А это ее сын, Володенька. Очень серьезный молодой человек, экономист!

— Здравствуйте, — киваю я, стараясь не смотреть на Володеньку.

Тот робко скользит по мне взглядом и тут же переводит глаза на мамочку.

— А мы о вас столько наслышаны, — тянет Нина Сергеевна, поправляя идеальную, намертво залакированную укладку. — Володя, скажи что-нибудь. Не сиди истуканом.

— Вы... очень даже ничего, рад познакомиться, — выдавливаю из себя Володенька и густо краснеет. — Мама говорит, вы пианистка. Это хорошо. Музыка успокаивает нервы. А у меня, знаете, желудок болит от волнения. Мама, я хочу чаю. С ромашкой.

— Сейчас, сыночка, сейчас, — суетится Нина Сергеевна, тут же подскакивая и хватаясь за заварочный чайник.

Я высиживаю на этом «свидании» ровно двадцать минут, и это самые длинные двадцать минут в моей жизни. Нина Сергеевна говорит за троих, расхваливая сына так, будто он только что спас человечество от вымирания. Володенька же жалуется на погоду, на желудок и на то, что женщины нынче пошли меркантильные — так и норовят поесть за чужой счет. Тарелочницы!

У меня после этой фразы печенка поперек горла встает. А еще он ругает злых начальников, не дающих ему повышения. Арина Рудольфовна многозначительно подмиги-

вает мне, подливает чай и намекает, что «хорошему мужчине нужна заботливая жена, а не карьера».

Меня тошнит. И не от ромашкового чая. Володенька — точная копия моего бывшего мужа, только без его внешней харизмы. Такой же потребитель, только нытик, да еще и полностью под каблуком у мамы. Как таких называют? Мамкин пирожок? Вот честно, когда при мне упоминали такое прозвище, я представить не могла такого типа воочию. А теперь вот он, передо мной сидит.

— Извините, — встаю я, стараясь, чтобы голос не дрожал от раздражения. — У меня дела. Мне нужно срочно повторить одно произведение.

— Как? Уже? — хмурится Нина Сергеевна. — Володя только собрался рассказать про наш сад на даче.

— В другой раз, — вежливо, но твердо киваю я и ретируюсь в свою комнату, запирая дверь на замок. А про себя думаю, что этого «другого раза» никогда не случится.

Прислоняюсь спиной к двери и тяжело выдыхаю. Ну почему? Почему, как только я освободилась от одного нарцисса, мне тут же пытаются подсунуть другого? Только этот не нарцисс — нет. Этот кто? Одуванчик.

Когда я выхожу провожать гостей, Арина Рудольфовна уже стоит у входной двери, сияя, как начищенный медный самовар.

— Ну что, девочка моя? — шепчет она мне на ухо, пока Нина Сергеевна пудрит нос у зеркала. — Ничего так маль-

чик? Хозяйственный.

— Арина Рудольфовна, он маменькин сынок, — шиплю я в ответ. — Ему даже чай мама заваривает.

— Зато не пьет и не гуляет! — отрезает она. — Подумай, Джульетта. Карты не врут.

— Конечно, не врут! Кто с таким гулять-то будет?! Я, точно не хочу.-- бурчу я, на что соседка, изображая немощь, хватает меня под локоть.

И мне приходится спуститься и выйти с ними во двор ради приличия. Арина Рудольфовна долго машет ручкой своим знакомым, и мы уже собираемся возвращаться, как около подъезда по тормозам бьет знакомый джип с семерками на номерах. Из него вываливается гора мышц, обтянутая простой черной футболкой. Мужчина держит в руках огромную картонную коробку, в которую легко можно запихнуть небольшого носорога.

— Джульетта! — радостно восклицает Арина Рудольфовна. — А я как раз хотела вас познакомить. Это Демьян Аркадьевич. Наш новый сосед сверху. Тот самый, на чей ремонт ты жаловалась. Демьян, это Джульетта, наша новая соседка, пианистка. Племянница тети Кати. Поступила в консерваторию.

Поднимаю глаза и замираю. Воздух в легких словно мгновенно заканчивается. Вот ты ж я попала. Темные глаза насмешливо смотрят. Короткие темные волосы небрежно вихряются..

Это он. Тот самый мужчина в дорогом темно-синем костюме, в которого я вляпалась с мороженым на Московском вокзале. Тот, кто орал про Пушкина и зайцев, уезжая на «Сапсане»!

Но и это еще не всё. Медленно скольжу взглядом по его широким плечам, по мощным рукам, оцениваю тяжелую поступь. И тут пазл в моей голове с громким щелчком встает на место. Эти плечи. Эта манера нависать, словно закрывая собой полмира. Это же тот самый двухметровый шкаф, с ног до головы покрытый цементом, с которым я ругалась из-за разбитой чашки и часа тишины! так вот почему он орал тогда про зайцев на вокзале. Медленно краснею, особенно начинают гореть уши.

Мужчина тоже уставляется на меня. В его темных глазах застывает чистая, неподдельная ирония. Он медленно перекладывает коробку в другую руку и окидывает меня взглядом с ног до головы, демонстративно задержавшись на моих балетках.

— Джульетта? Неужели так еще называют девиц? О, так это вы та самая пианистка снизу, — тянет он с явной издевкой. Голос низкий, с легкой хрипотцой, и от него по спине тут же пробегают мурашки. — Поздравляю с поступлением. Только очень прошу взять отпуск до окончания моего ремонта. Из-за вашей музыки от меня уже десятая бригада ремонтников сбежала. Говорят, замучились в такт штукатурку отбивать.

— Начальника, мочи нет слушать это треньканье. Или зарплату подымай или затычки для ушей покупай.

Я скоро на берушах разорюсь.

Вспыхиваю как рак.

— Я играю только днем! — выпаливаю я, упрямо вздернув подбородок. — И вообще, это вы орете матом в час тишины!

Демьян фыркает. Ставит коробку на асфальт, вытирает лоб тыльной стороной ладони и шагает ко мне. Я невольно пячусь, но он останавливается, лишь слегка наклонившись в мою сторону. От него пахнет свежим дождем, дорогим табаком и чем-то еще — сугубо мужским и терпким.

— Я не ору, Джульетта, — спокойно отвечает он, а в глазах так и пляшут чертики. — Я руковожу рабочими на понятном им языке. Это их вдохновляет и успокаивает после ваших бесконечных гамм. А то у них нервный срыв начинается, и звук моего голоса действует на них не хуже психотерапевта.

Он усмехается и продолжает:

— А ругаюсь я только тогда, когда мне в пиджак кидают вафельные рожки с plombиром. Ну, или когда с лесов опрокидывается мешок с цементом. Именно в эти моменты из меня могут вылететь нецензурные выражения.

Арина Рудольфовна, которая всё это время молча наблюдала за нашей пикировкой, только растерянно хлопает глазами.

Сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Он просто грубиян. Хам. Неотесанный мужлан! Варвар!

Разворачиваюсь и гордо удаляюсь к себе, громко хлопая входной дверью. Будто бы он может это услышать со двора. Ах ты гад... Рабочие у него от моей музыки разбегаются!

Ну всё! Война так война! И я уже точно знаю: этот сосед станет для меня гораздо большей проблемой, чем все Володи и Миши, вместе взятые.

Глава 12

Демьян

Чем мне понравилась эта квартира? Да черт его знает. Захожу в этот убогий коридор с безумными шкафчиками под самый потолок, смотрю на облупившуюся краску и понимаю — я дома.

Я всегда хотел жить в Питере. Не в Москве, не за бугром, а именно здесь. Еще в первый раз, когда меня закинуло сюда по службе, понял: это мой город. Решил тогда: вот отслужу, выйду на пенсию и обязательно вернусь.

И вот час пробил. Теперь я, можно сказать, солидный бизнесмен, владелец частного охранного агентства. Взял старого армейского кореша Витька в младшие партнеры — и прощай, система. За плечами горячие точки, где год идет за три, так что в свой тридцатник я уже официальный пенсионер.

Вот только прошлое отпускать не торопится. Вон, сегодня из столицы нарисовались высокопоставленные бывшие коллеги. Дело у них, видите ли, деликатное. И не откажешь ведь — челом бьют. У какой-то сибирской шишки дочь приехала сюда учиться и пропала с радаров. Девку с собаками ищут, а она как сквозь землю провалилась. Дёма, брат, мы знаем, у тебя тут информаторы остались, да и чутье оперское никуда не делось. Выручай, в долгу не останемся.

Ладно. Сейчас заскочу на хату, проверю рабочих — и сра-

зу к ним на встречу.

Приходится чуть ли не каждый день мотаться на объект. Квартира, чтоб ее, оказалась проклятой. У меня уже пятая бригада гастарбайтеров сливается в неизвестном направлении. Даже за двойной прайс оставаться не хотят! Начинаю трясти прораба — ноют, что сил больше нет слушать эти бесконечные гаммы. Как серпом по яйцам, говорят.

Полы-то мы вскрыли до самых перекрытий, звукоизоляции ноль. И теперь снизу какая-то грымза (или грымз) с утра до вечера лупит по клавишам. И заодно по тонкой душевной организации моих строителей. Ранимые все стали, прям балет. Надо будет аккуратно пробить через Арину Рудольфовну, что за музыкальный фрукт там поселился. Может, спуститься, пригрозить карой небесной и пудовым кулаком, чтобы на время моего ремонта заткнулись со своим искусством?

Усмехаюсь, вспомнив, как познакомился с нашей главной по парадной. Арина Рудольфовна оказалась до жути похожа на мою покойную тетку. Тетю Лизу. Наш род вообще из ссыльных, с графскими корнями. И периодически эта аристократическая кровь дает о себе знать, воплощаясь в ком-то из семьи. Вот тетка Лиза была именно такой: спина как кол проглотила, волосы волосок к волоску, кружевные воротнички. На улице — обязательно перчатки и зонтик от солнца, потому что загар — это для крестьян. Какие тапки дома? Вы с ума сошли, это моветон! Только туфли на каб-

лучке. И, конечно, бесконечные пасьянсы и гадания.

Помню, мне было лет семь, когда мы с матерью приехали ее навестить. Она уже серьезно болела, но ни разу не пискнула. Стальная была женщина. В тот раз она раскинула на меня карты и безапелляционно заявила, что расту я воином. И это, мол, мое предназначение. Ее слова тогда как печать на лоб легли — определили всю жизнь.

И вот эта Арина Рудольфовна — просто вылитая тетя Лиза. Мы столкнулись с ней и риелтором на входе в парадную. Обожаю этот местный снобизм: не подъезд, а именно парадная! Так вот, стоит она с пакетами, кидает на меня сканирующий взгляд поверх очков — словно рентгеном до седьмого колена просветила. И благосклонно так улыбается.

А я? Да хрен знает, что на меня нашло. Молча подхватил ее сумки, дверь открыл, до самой квартиры допер. Представился по форме. А она мне, хотя я саму квартиру еще даже в глаза не видел, заявляет: — Очень я рада, Демьян, что вы нашим соседом станете.

Ну, против такого лома нет приема. Через десять минут я уже подписывал договор о намерениях и отсчитывал залог.

Квартиру-то я купил, но ремонт встал намертво. И все из-за этих пиликаний. Сколько времени? Черт, опаздываю. Ладно, десять минут на раздачу люлей — и рву по пробкам в отель.

Открываю дверь. Работяги в этой бригаде подобрались какие-то совсем щуплые, я на их фоне Гулливером себя чув-

ствую. И прямо с порога начинается привычное нытье:

— Насяльника, мочи нет! Каждый день одно и то же. Поговори с соседями! Мы тоже люди, ну нельзя же над нашими ушами так издеваться. Как снизу играть начинают, у нас всё из рук валится. Работать не можем!

Прохожу в комнату, закипая. И в самом деле: за три дня тут конь не валялся. Зато, смотрю, соорудили высоченные козлы и зачем-то заперли на них мешки с цементом. Спрашивается, на кой хрен?

— Там повыше музыку меньше слышно, — оправдывается бригадир. — Уж лучше под потолком раствор мешать будем.

Совсем рехнулись. Это ж сколько лишних телодвижений надо делать! Я в эту хату вообще когда-нибудь въеду? Подхожу к конструкции. Высокая, зараза, но держится на честном слове и соплях. Если эти акробаты оттуда навернутся — мне же за них сидеть.

— Переделывайте, — командую жестко. — Рассыплется ваша халабуда, как только вы на нее залезете.

— Не-е, хозяин, козла хорошая. Крепкая! — спорит этот зодчий.

У меня планка падает. Я что, буду с ними сейчас про технику безопасности дискутировать? Вместо слов просто беру и хорошенько трясу эту махину. Естественно, всё это зодчество мгновенно складывается как карточный домик, прихватив с собой мешки. Один из них, уже надорванный, призем-

ляется аккуратно на меня, взрываясь серым облаком.

Выдаю такую многоэтажную конструкцию мата, что рабочие отскакивают к стене.

— Крепкая, говорите?! — реву я сквозь цементную пыль.
— А если бы вы там оказались? Да вас бы потом по кусочкам шпателем собирать пришлось!

Отряхиваюсь и снова крою матом всё живое:

— Да что ж за попадалово, мать вашу! Мне сейчас на встречу ехать! И не в шаверму на углу, а в приличный отель!

В этот самый момент в дверь звонят. Настойчиво так, с претензией. Кого еще принесло?

Распахиваю дверь настежь. А там стоит девчонка. В халате, с намотанным на голову полотенцем и, блин, в плюшевых тапках с заячьими ушами. И с ходу начинает меня агрессивно пропесочивать за какой-то там час тишины. Стоит такая вся из себя чистенькая, розовая, а я перед ней — как цементный голем. Я этому «зайчику» и рывкнул, чтобы прыгала отсюда в свою нору подобра-поздорову. Нашлась тут ревнительница порядка. А она еще и пожаловаться на меня пообещала, мелочь пузатая!

Ускакала. Я кое-как отряхнулся, смыл с морды цементную корку и рванул на встречу.

В отеле охрана на входе, конечно, сильно напряглась, глядя на мой запыленный вид, но пропустила. Да и салон в джипе теперь точно в химчистку гнать. Не день, а катастрофа.

Еще и это задание оперов покоя не дает. Где мне эту дев-

ку с ее хахалем искать? Как корова языком слизала. Единственная ниточка — кто-то из приятелей болтнул, что парень ее жутко азартный был. Значит, придется самому по точкам кататься, информацию собирать, с нужными людьми встречаться. И когда всё успеть? У меня и без них дел по горло. Хоть на британский флаг разорвись.

А зайчик этот снизу Вредная, конечно, заноза. Но симпатичная.

Глава 13

Утро начинается прекрасно — с чашечки кофе. Встаю сегодня поздно: видимо, сказывается поездка в плацкартном вагоне. Всю ночь ворочалась на жесткой боковушке, пока мимо постоянно шастали люди. И еще свет железнодорожных станций, мимо которых проезжали, в глаза бил. Но в этом сама виновата. Забыла взять маску для сна. Следующий раз умнее буду.

Солнце весело стучится лучиком в окно, недвусмысленно намекая, что стекло, мягко говоря, грязновато. «Надо бы помыть», — откладываю эту мысль в голове на потом.

Какие у нас на сегодня планы? Естественно, позаниматься. Потом сходить в консерваторию, донести документы. Главное — на Разинского там не нарваться. Хмыкаю, вспоминая, с каким остервенением и чистой радостью я рвала афиши с его физиономией.

Сверху начинают стучать молотки, словно призывая в ответ ударить по клавишам. Прямо сейчас и начну. Только сначала сбегая в магазин — куплю подвальному малышу корм для котят. Сегодня побалую его еще и пакетиком влажного лакомства.

Возвращаюсь из магазина. Черныш, как обычно, уже ждет, издавая требовательное «мяу» из-под решетки подвального окошка. Ну такой симпатяга! Как жалко, что я его

не могу забрать к себе. Эх.

— Привет, привет, маленький. Сейчас, милый, пакеты занесу и спущусь!

Но едва выхожу во двор с мисочкой его еды, как я упираюсь носом в холодную блестящую поверхность. Перед самым подвальным окном, наглухо перекрывая доступ к кормежной точке, во всей своей черной наглой красе припаркован джип Демьяна Аркадьевича. Номера — три семерки МВД три семерки. Я даже не сразу понимаю, как он умудрился так припарковаться, чтобы уткнуться черной мордой впритык к стене.

— Ну надо же! — возмущаюсь я, пытаюсь просунуть руку в щель между бампером и кирпичами. Щель шириной сантиметра три, не больше. Черныш смотрит на меня одним глазом с таким укором, но протиснуться наружу не может. Прямо понимаю, что он до меня хочет донести:

— Ну что ж ты, тетя, не уследила? Замуровали меня тут бедного несчастного.

В груди поднялся протест против такой безответственной парковки, и я бросаюсь на защиту маленького существа. Нет, ну надо же, как я изменилась, раньше бы повздыхала, погрузила и сказала котенку:

— Ну, потерпи чуть-чуть. Видишь—ничего не могу сделать для тебя и смиренно ушла. А сейчас вон— откуда во мне что взялось?

Я размахиваюсь ногой и стучу по колесу. Ноль реакции.

Стучу громче, но уже по капоту. Аккуратно, правда, интеллигентно даже. Тук-тук. Тишина. Только Черныш поддерживает мои действия робким мяуканьем и мягко предлагает перейти к более решительным действиям.

Я тебя слышала, малыш. Сейчас. Терпение ломается. Замахиваюсь и со всей дури луплю ладонью по железу.

— БАМ!

Джип взывает. Сирена орет так, что закладывает уши, фары вспыхивают ослепительным светом, а из-под капота, кажется, вот-вот вырвется пламя. Отскакиваю, прижимая ладони к ушам. Черныш, видимо, забивается в самый дальний угол. Понимаю и не осуждаю, самой сама бы так сделала, если бы в подвал влезть могла.

На четвертом этаже со скрипом распахивается окно. Высовывается недовольная голова Демьяна. Вид у него такой, будто его отвлекли от спасения мира.

— Ты что там творишь, оглашенная?! — ревет он, перекрывая сирену.

— Уберите машину! — кричу в ответ, тыча пакетом с кормом в сторону джипа. — Вы перекрыли окно!

— Какое окно? — он столбенеет.

— Подвальное. Я не могу покормить кота!

— Кота?! Какого кота?! Ты из-за него переполох устроила? Весь двор с утра на уши подняла?

— Не весь двор, а только вас! И это не просто кот, это Черныш! И он голодный! А ваша машина стоит там, где не

положено!

— Это частная парковка под моим окном! — рывкает сосед. — а твой кот пусть подождет! Я со своими рабочими сеансом психотерапии после твоих гамм занимаюсь, а у меня, между прочим куча дел, и делать мне больше нечего, чем бегать машину переставлять.

Вот опять прошелся по поводу моего музицирования. Краем глаза замечаю, как начинают приоткрываться окна и любопытствующие, запасаясь попкорном, занимают свои ряды.

— Кот не может ждать! — взвиваюсь я. — Спуститесь и отгоните свой танк! Вы больше времени потратите со мной ругаясь, а я вашу машину так и продолжу пинать.

Демьян выдает такую тираду, что даже сирена, кажется, на секунду притихает от стыда, а зрителей прибавляется. Высовывает демонстративно руку с брелком и нажимает на кнопку.

Потом окно с треском захлопывается. Сигналка замолкает. Через минуту из парадной выходит он сам — с мрачным лицом, чеканя шаг полувоенными ботинками. С таким раздражением смотрит на меня, молча садится в машину, сдает назад, виртуозно разворачивается в нашем тесном дворе и, поравнявшись со мной, опускает стекло.

— В следующий раз, Джульетта, — произносит он тихо, но так, что я слышу каждое слово, — если будешь стучать по колесам, я решу, что ты просто хочешь со мной покататься

и таким образом вызываешь к себе мое внимание. Заигрываешь, так сказать.

— Что?-- у меня от гнева дыхание останавливается. Я с ним заигрываю? Я его внимания добиваюсь? Да что он из себя строит!

Сосед уезжает, оставив меня стоять в облаке выхлопных газов с пакетом кошачьей еды в дрожащей руке.

— Хам! — кричу ему вслед. — Мужлан! Варвар.

— Так, его Джульетта, — поддерживает меня возрастное женское население нашего двора.

— Нет, ну надо же.--бормочу я себе под нос.

Возвращаюсь в комнату и обнаруживаю, что телефон буквально разрывается. На экране светится «Разинский». А этому то, что опять надо? Права Арина Рудольфовна—обложили меня короли!

Глава 14

Я всё-таки переименовала его контакт. Фыркаю и сбрасываю. Он перезванивает через минуту. Потом еще через одну.

На пятый раз, когда я уже сижу за роялем, пытаюсь выбить из головы образ разъяренного Демьяна, нервы не выдерживают. Свирепо тыкаю в зеленую кнопку.

— Что, Разинский? У тебя деньги на счете закончились, и ты решил поплакаться мне в трубку?

— Джульетта Мышка — голос такой жалкий, что меня аж передергивает. — ну почему ты такая злая? Я же дозвониться не могу. Переживаю, как ты там без меня.

— Переживаешь? Прекрасно поживаю. Где же ты раньше был? — смеюсь, но смех выходит сухим и колючим. — Миша, мы в разводе. Твои переживания меня больше не волнуют.

— Послушай, — переходит он на заговорщический тихий голос. В нотках его сквозят знакомая мне хрипотца. Я знаю их, когда Разинский включает обаяние — переходит на более низкий тембр. Раньше он пробирал меня до мурашек, а сейчас ноль. — Давай встретимся. Мне нужно тебе кое-что объяснить. Это всё было одно большое недопонимание. Дай адрес, я приеду. Девочка моя любимая.

О, как он заговорил, да я эту фразу, считай, первый раз в жизни от него услышала.

— Адрес я не дам. И говорить нам не о чем.

— Джульетта, ну не будь такой — прорежутся раздраженные нотки. — Я всё равно тебя найду. Ты в Питере, а он город маленький. У брата твоего спрошу, он же в Вышке учится.

— Во-первых, у тебя даже его телефона нет, во-вторых, он в отъезде. В-третьих, Коля тебе ничего не скажет. А если хоть пикнет — я ему ноги вырву и прокляну по-сестрински.

Миша замолкает, видимо, в первый раз слышит от меня такие зловещие обещания. Затем в трубке раздается тяжелый, истинно театральный вздох.

— Есть у меня его телефон, если что. И мой номер у него имеется. Но вообще, Джульетта, я думал, ты добрее. Я тут, между прочим, не просто так звоню. Поделиться радостью хотел. Мне помогли добрые люди. Дали денег. Я теперь учусь на платном в консерватории. Поступил, между прочим.

— Поздравляю, — чеканю ледяным тоном. — Надеюсь, твои «добрые люди» будут снабжать тебя и дальше. А то у тебя деньги на букеты роз быстро разбегутся. И на дополнительные занятия с профессорами. Иначе как тебе к конкурсам готовится и выигрывать? На всех соперниках не женишься.

— Ты завистливая! И жадная! Ты всегда была такой! Постоянно у тебя приходилось просить денег. — вдруг срывается он.

Маска страдающего поэта слетает мгновенно, обнажая те

самые беззгивные интонации, которые я уже успела хорошо выучить.

— Тебе жалко было помочь мужу! Бросила меня в трудную минуту! А я бы для тебя всё сделал! Ты просто эгоистка, Джульетта. Скупая, черствая эгоистка!

Что? Меня, которая снялась с конкурса, чтобы он выиграл, которая работала, а вечерами занималась репетиторством, которая кормила, поила его и одевала, меня обвинять в жадности? Жгучая волна обиды поднялась к горлу. Его аж перехватило. Я заставила себя вдохнуть и выдохнуть. Помогло.

— А ты, Миша, — тихо отвечаю я, чувствуя, как внутри теперь разливается абсолютно холодная ярость, — обычный паразит. И я счастлива, что наконец-то от тебя избавилась. Не смей мне больше звонить.

Нажимаю «отбой» и тут же кидаю номер в черный список. Руки дрожат. И совсем не от страха. От глухого отвращения. Как я могла жить с этим существом целый год? Как могла верить, что он глубокий, талантливый, тонко чувствующий? Он же просто мелкий и завистливый.

Что помогло отвлечься? Конечно, работа. Бедные строители сверху, надеюсь опять не сбегут, а то этот варвар точно придет со мной разбираться. Но у меня есть секретное оружие! Арина Рудольфовна.

На следующий день в комнату наваливается духота. В Пи-

тер приходит то самое лето, когда солнце раскаляет старые кирпичные стены так, что они дышат жаром даже ночью. Решаю всё-таки помыть окна, воспользовавшись ясным днем.

Скидываю лишнее, оставаясь в коротких шортах и обтягивающей белой майке. Волосы скручиваю в пучок, натягиваю старые кеды и вооружаюсь тряпкой, губкой и пшикалкой для стекол.

Забираюсь на подоконник. Вытянувшись во весь рост, старательно оттираю верхний угол рамы. Снаружи печет, солнце слепит глаза, а внутри меня всё еще бродит злая, упрямая энергия. Тру стекло, представляя, что размазываю лицо Миши. Потом Володи. Потом Демьяна. Кого еще представить? Валерия. Чтоб его. Нет, ну реально чисто получается.

— Это ты, заметив, что я приехал, решила убить меня наповал? — раздается снизу низкий, насмешливый голос.

Вздрагиваю, едва не выронив губку, и смотрю вниз. У самого подъезда, вальяжно засунув руки в карманы джинсов, стоит Демьян. Смотрит на меня снизу вверх. Глаза его разглядеть, конечно, не могу, но чувствую, что в них откровенно пляшет чертовское веселье.

Вот принесло же его не вовремя.

— Чего? — бурчу я. Мелькает мысль прикрыться тряпкой, но, понимая, насколько глупо это будет выглядеть, просто гордо задираю подбородок. — Я окна мою! И совершен-

но не слежу за тем, кто и когда тут приезжает. И вообще, перестаньте сюда пялиться!

— Без этого никак, — Демьян медленно обходит машину, не сводя с меня глаз. — Вид, надо признать, открылся потрясающий. Особенно ракурс снизу. Крайне вдохновляющий. Знаешь, я после него готов отдать тебе машину на пинания. С последующим катанием по городу. Можно прямо вот в таком в виде и ехать.

Меня бросает в жар. Чувствую, как щеки предательски заливают краской.

— А у вас, Демьян Аркадьевич, — цежу я как можно более ледяным тоном, — явные проблемы с воспитанием! Если вам заняться нечем, идите помогите рабочим вашим. чтобы с ремонтом вашим безумным поскорее закончить? Сил нет грохот слушать этот. А то я смотрю, руки у вас чешутся, раз без дела по дворам шатаетесь!

Демьян смеется. Смех у него низкий, грудной, и от него у меня почему-то на секунду перехватывает дыхание.

— Не, Джульетта, — произносит он, останавливаясь прямо под моим окном. — Каждым своим делом должен заниматься. Но вид отсюда с ног сшибающий. Вам надо почаще меня им радовать. Хоть какая-то моральная компенсация за сбежавшие от вашей музыки бригады.

Я фыркаю, а он разворачивается и скрывается в парадной. А я так и остаюсь стоять на подоконнике, сжимая в руке мокрую тряпку, и слушаю, как почему-то гулко колотится серд-

це. Правда, краем глаза всё же успеваю отметить одну важную деталь: свою машину этот варвар припарковал подальше, у глухой стены. Подвальное окошко Черныша теперь абсолютно свободно.

Глава 15

На следующий день мне снова нужно ехать в консерваторию. Она встречает меня привычным гулом голосов и запахом старого паркета. Захожу в деканат, уточняю пару формальностей по зачислению и, выходя из здания, едва не сталкиваюсь нос к носу с Михаилом.

Он стоит у кованых ворот, старательно строя из себя задумчивого романтика. Но бегающие глазки и нервно дергающийся кадык выдают его с головой.

Судя по всему, мы со своим благоверным поменялись местами. Раньше я его ждала, теперь он. Да я расту прямо на глазах. И что ему надо? Денег опять?

Увидев меня, он тут же расправляет плечи, театральным жестом откидывает волосы и шагает навстречу.

— Мышка! — восклицает он, и в его голосе звучат такие слащавые, приторные нотки, что меня начинает слегка мутить. — Я так и знал, что ты сегодня будешь здесь. Я ждал тебя.

Инстинктивно пячусь, но поздно. Миша хватает меня за руки, его длинные, холеные пальцы крепко сжимают мои запястья. Он наклоняется, явно намереваясь поцеловать меня в щеку, а то и в губы.

— Пусти! — рывком выдергиваю руки, отступая на шаг. — Разинский, ты вообще в своем уме?

Прислушиваюсь к себе. Никаких теплых чувств—одно отращение встает. Да мне даже его прикосновения его неприятны. Смотрю на него новым взглядом. Сама себе удивляюсь. Нет, ну я же его любила. Как так могло все резко исчезнуть?

Я читала, что некоторые девушки и женщины прощали после измен своих мужей и жили долго и счастливо. А я почему даже мысли такой не допускаю? Бред. Подожди, Джульетта, а ты его в самом деле любила? Может, ты влюбилась в его тобой же нарисованный портрет? Сама сотворила и это полюбила, а настоящий Миша — вот стоит во всей красе. Избалованный, капризный, эгоистичный.

И где-то в глубине души ты искала повод разорвать эту брачную сеть, которую сама вокруг себя и оплела. Ну неполная я же дура? Получается нет. Я оказалась не из тех дамочек, которые выдумывают свои возлюбленным оправдания. Мне хватило одного раза, чтобы полностью разорвать отношения.

— Мышка, ну что ты такая колючая? — он хмурится, изображая обиженного ребенка. — Я так соскучился. Понимаю, что ты злишься, но давай поговорим.

Он снова пытается приблизиться, и мне приходится сделать еще шаг назад, упираясь спиной в холодный кирпич стены. Я наклоняя голову и смотрю на него исподлобья. Только попробуй опять до меня дотронуться—сумкой ударю. Руками не хочу тебя касаться.

— Говорить нам не о чем, Михаил. Мы в разводе. Бумаги подписаны, из квартиры ты выписан. Всё кончено.

— Это всего лишь бумажки! Нашей любви это не преграда. Какая разница, женаты мы официально или нет! — он отмахивается, и его лицо искажается гримасой, в которой уже для меня нет ни следа бывшего обаяния.

Все кажется наигранным. Ощущение, что я единственный зритель моноспектакля в каком-то доморощенном театре. И играют там, надо сказать—отвратительно. Я вспомнила его лицо, когда он разговаривал со мной по телефону. Вот тогда Разинский был искренним. И для снятия лапши с ушей почаще вспоминай тот момент, Джульетта.

— Я места себе не нахожу, по тебе скучаю!

Он хватается за голову, демонстрируя невероятные душевные муки. Сейчас еще руки заламывать начнет. Или нет? Глаза к потолку закатит? Внутри проснулся интерес: правильно ли я научилась предсказывать действия бывшего мужа. Даже голову склонила. Мишан, бросая на меня косой взгляд—расценивает это по-своему. Не угадала. Он запускает руки в свои прекрасные волосы, делая вид, что собирает-ся их выдирать.

— Я готов на всё! Я понял, что совершил ошибку. Оступился. Ну с кем не бывает? Прости меня, мышка. Давай начнем сначала.

Во мне поднимается разочарование. Но не в Мише, нет. В себе, что ошиблась. Но с другой стороны, мне проститель-

но—такую сцену раскаяния я в первый раз наблюдаю. А на колени бросится? Посмотрела на его брюки и на пол. Не. Побойтся коленки испачкать.

Он проследил за моим задумчивым взглядом и опять перевел все на свою пользу. Радостно делает ко мне шаг:

— Ты меня простила! Я знал, что смогу тебя вернуть, любимая.

— Ты с ума сошел, Разинский? — я отпихиваю своего бывшего мужа. Мой голос начинает дрожать от возмущения. — ты человеческих слов не понимаешь? Мы в разводе! Какая еще любовь? Ты же мне изменял, пользовался, ни в грош не ставил мои цели и желания. Унижал

— Дай мне второй шанс! — цепляется за меня Разинский. — Я не могу без тебя, без твоей любви. У меня всё из рук валится. Ничего не получается Джульетта, я не вывожу! Из-за нашей ссоры я впал в депрессию, не могу сконцентрироваться, играть. Квартиру не тяну, деньги разлетелись. Но если мы помиримся, то всё станет как прежде! Я перееду к тебе в твою комнату. Ну подумай, коммуналка! Я смогу там писать музыку, а ты ты будешь меня поддерживать. Как раньше.

Вытирашиваюсь на него, не в силах поверить в то, что слышу. Он серьезно? Реально предлагает переехать в мою крошечную комнату в питерской коммуналке. И его уже не смущает, что за одной стенкой живет тихий пьяница Иван Иванович, а за другой непутевый братец, постоянно водящий ком-

паний? О, как его припекло.

Представила себе эту картину и меня начинает тошнить. Становится невыносимо мерзко оттого, что этот паразит снова планирует уютно усесться на мою шею.

— Я не собираюсь тебя содержать, и уж тем более пускать жить в свою комнату! Даже места под коврик для тебя выделять не собираюсь. Да и некуда, если уж на то пошло. У меня там стоит прекрасный рояль. Выкручивайся сам — отрезаю я и с силой отталкиваю от себя бывшего.

— Ты всегда была эгоисткой! — вдруг шипит он. Маска страдающего поэта окончательно слетает. — Тебе жалко для меня место выделить! Я талантливый музыкант, Джульетта, а ты меня в грязи хоронишь! Вселенная тебе это не простит.

— Даже так? Какими ты возвышенными словами заговаривал. Нет, Миша, — тихо, но очень твердо отвечаю я, — для вселенной ты просто клоп, норовящий присосаться к кому-нибудь. Такой мерзкий черный жирный, вонючий клоп. Иди ищи себе другую мышь. А меня оставь в покое.

Ох, как же он разозлился на мою тираду. Особенно на клопа.

А я разворачиваюсь и быстро иду к метро, чувствуя, как он буквально сверлит мне спину злобным взглядом. Руки дрожат. Не от страха. От брезгливости. И с этим человеком я жила? И еще и ребенка от него хотела?

Решаю, что мне жизненно необходимо подышать свежим воздухом. Питерское солнце наконец-то пробивается сквозь

тучи, а ещё у меня в сумке есть оранжевый зонтик — верный талисман от дождя.

Возвращаюсь уже успокоенная. Из подвального окошка раздаётся требовательный мявк.

— Ой, прости, малыш. Загуляла я сегодня. Сейчас сбегая тебе за лакомством.

Спускаюсь во двор с пакетиком влажного корма для Черныша. Котенок уже ждет, издавая нетерпеливое «мяу» и начинает тереться о мою ногу. Приседаю на корточки, надрываю пакетик, и в этот момент слышу за спиной шаркающие шаги.

— Джульетта! Здравствуйте!

Нет. Нет. Нет. Скажите, что я обозналась. Эй, Вселенная, как к тебе обращается Разинский, скажи, что это не следующий кандидат на мою руку и комнату. Поднимаюсь и оборачиваюсь с тоской. Увы, мой музыкальный слух не подвел. Передо мной, переминаясь с ноги на ногу, стоял Володенька.

Глава 16

Перспективный не особо молодой человек, с нежным пушком на голове, в своем неизменном вязаном свитере с оленями, несмотря на то, что на улице плюс двадцать растянул губы в демонстрирующей радость улыбке.

— Здравствуйте, Володя, — вздыхаю я. Потом обреченно, но с робкой надеждой спрашиваю:— вы к Арине Рудольфовне?

— Нет, я к вам. Мы решили за вами поухаживать. Мы? Он не один пришел?

С удивлением заглядываю ему за спину, ища взглядом еще кого-нибудь. У Володеньки раздвоение личности?

— С кем это вы решили за мной поухаживать? — интересуюсь я. Очень надеюсь, что у него не раздвоение личности, или он не с воображаемым другом решил выразить мне свою благосклонность.

— С мамой. И она сказала, что вы сначала можете не принимать ухаживания, потому что просто застесняетесь, но я должен проявить настойчивость и произвести на вас впечатление свои глубоким умом и манерами. Вот.

И он опустил глаза вниз. Я тоже.

В руке он сжимает букет

Что у него в руках? Я даже делаю шаг поближе, чтобы удостовериться, потому как не верю своим глазам. Из меня вы-

рывается невольный смешок.

Бархатцы? Он серьезно? Володенька притащил мне в подарок букет бархатцев? Я заморгала. Как-то у меня в голове такое не укладывается. Даже Разинский с тремя коммунистическими гвоздичками выигрывает на его фоне.

Мое изумленный взгляд Володенька расценивает, как будто я не верю в свалившееся на меня счастье.

Он самодовольно улыбается и шагает ко мне. Но тут снизу раздается мяу и его взгляд падает на Черныша, который трется о мою ногу. Лицо Володи мгновенно искажается презливостью.

— Фу! Что это такое? — он отскакивает, прижимая бархатцы к груди, словно я пытаюсь заразить его бубонной чумой. — Джульетта, вы что, кормите эту заразу? Это же антисанитария! В подвале крысы, блохи, а вы тут котят разводите! Этого зверя надо немедленно усыпить!

Замираю. Внутри всё обрывается. Он только что предложил усыпить крошечного, голодного котенка, который вообще никому не мешает?

— Усыпить? — переспрашиваю я, и мой голос звенит льдом. — Вы серьезно, Володя?

— Абсолютно! — кивает он, нервно поправляя очки. — Я читал, что бездомные животные переносят инфекции. Это опасно для здоровья. Мама тоже так считает.

— Усыпить надо того, кто это предложил, — раздается за моей спиной низкий, громоподобный голос.

Вздрагиваю и оборачиваюсь. Из тени парадной, скрестив мощные руки на груди, выходит Демьян. Выглядит он так, будто собирается это сделать прямо здесь и сейчас с моим ухажером.

Его темные глаза прикованы к Володиному лицу, и в этом взгляде столько концентрированной, холодной ярости, что маменькин сынок пятится, спотыкается о выбоинку и едва не падает.

— Но мама говорит!.. — пищит Володя, прижимая к себе ярко-оранжевые цветы. — Я я просто повторил

— А я просто говорю, — перебивает его Демьян, делая медленный, хищный шаг вперед. — Если ты, олень ты наш новогодний, (прошелся он по свитеру Володеньки) еще раз откроешь рот в этом дворе, я лично прослежу, чтобы тебя усыпили. И не котенка. Усвоил?

Володя судорожно кивает, его лицо становится белым как мел. Демьян переводит взгляд на меня. В глазах уже пляшут смешинки, но голос звучит еще жестко:

— Джульетта, сделай так, чтобы твой Ромео больше в этот двор не совался. А то я за себя не ручаюсь. И вообще, поклонников надо тщательнее выбирать, а не хвататься за первого попавшегося. Замуж торопишься так? В девках остаться боишься?

Вспыхиваю. Внутри вскипает привычная гордость.

— Во-первых, он мне не Ромео! — выпаливаю я, вздергивая подбородок. — А во-вторых, Демьян Аркадьевич, не

смейте мне указывать, что делать и кого выбирать! Я сама разберусь со своими гостями!

Но в глубине души, где-то очень-очень глубоко, я безумно рада. Он вступился. Даже не за меня, а за Черныша.

— Ок. Не Ромео. Юродивый в свитере с оленями, — хмыкает сосед. — Мне не нравится, когда такие личности шарятся по моему двору, и трутся о мою машину. Она загрязняется тогда. А мойка денег стоит. Усвоила? С этими словами он разворачивается и идет к своему джипу.

— Варвар! «Его двору», надо же — привычно бросаю я ему в спину и поворачиваюсь к незадачливому ухажеру.

Володя тем временем пытается незаметно слиться с дверью парадной. Сказать, что он я не хочу принимать его ухода—не поверит. Решит, что я кокетничаю, и цену набиваю. Поэтому остается только нагло врать в лицо.

— Володя, — говорю я громко и четко — Чтобы вы знали. Я не одна. Я в отношениях. И мой мужчина не предлагает усыплять котят. Так что бархатцы с вашей дачи можете вернуть своей маме.

— Это не с дачи—обиженно бурчит он.

И тут я замечаю, что цветы не срезаны, а оборваны. Мама родная, а некоторые даже с корнями. Он их где-то вырвал. И судя по грязным рукам прямо сейчас. Я невольно оборачиваюсь в сторону земельного надела Арины Рудольфовны. Не может быть? Это он с ее клумбы что-ли их нарвал?

У меня вырвался невольный смешок. Не очень молодой

перспективный мужчина подписал себе смертный приговор, а приведет его в исполнение моя уважаемая соседка, стоит мне об этом ей рассказать.

А до Володеньки доходят слова про отношения.

Он недоверчиво таращится на меня.

— Не может быть! — возмущается он. — Арина Рудольфовна заверила маму, что вы только-только развелись!

Прищуриваюсь. Ах, Арина Рудольфовна! Сводница наша. Устрою я вам сюрприз сегодня..

— И что она вам еще сказала, Володя? — интересуюсь я, скрестив руки на груди. — Поделитесь, мне прямо самой интересно.

Володя одергивает свитер, явно чувствуя себя важным носителем тайного знания.

— Что вы очень трудолюбивая, — отвечает он с видом эксперта. — И что у вас всегда было много учеников. Поэтому мы с мамой рассудили, что это будет очень полезно для семейного бюджета.

Во дворе повисает звенящая тишина. Слышно только, как Черныш громко чавкает, доедая свой паштет.

— Семейного бюджета? — мне хочется застонать в голос, но я мужественно держу лицо. — Знаете что, Володенька Идите-ка вы отсюда. А то сейчас вернется мой сосед и действительно вытолкает вас с его двора.

Глава 17

Возвращаюсь в свою комнату и еще долго не могу отдышаться. Во мне все бурлит. Ядрёная смесь самых разнообразных эмоций. Как они только могут сочетаться? Злость, смешанная с каким-то до жути странным, теплым чувством благодарности к Демьяну, смех и раздражение к Володеньке.

Посидела, успокоилась, но понимаю: с Володенькой, его мамой, а главное — с нашей главной коммуналковской сводницей Ариной Рудольфовной, нужно срочно что-то решать. Решительно стучу в дверь соседки. Ну я вам все сейчас выскажу. А главное, заложу одного типа пушистой наружности.

— Заходи, Джульетта, не заперто! — тут же откликается она.

Арина Рудольфовна сидит за столом, а перед ней в идеальном порядке разложены карты. И это не какой-нибудь там невинный пасьянс, а серьезный расклад. Большой, сложный, с пугающей кучей перевернутых пик и трэф. Магия в действии.

— Арина Рудольфовна, — начинаю я, стараясь звучать максимально мягко и дипломатично. — У меня к вам огромная просьба. Пожалуйста, больше не сватайте мне Володеньку. И его маму в мою жизнь тоже, если можно, не пускайте.

Соседка медленно поднимает на меня глаза поверх очков. Во взгляде — искреннее недоумение, плавно переходящее в

кровную обиду.

— Это почему же? — она откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди. — Мальчик интеллигентный, с образованием, мама — женщина с положением. Чем он тебе не угодил? Опять ты со своим «я сама»? Пробегаешь в девках весь век и будешь потом, как я в одиночестве пасьянсы раскладывать. Без крепкого мужского плеча. Вот прямо как я.

Соседка деланно всхлипнула.

— Что вы называете мужскими крепкими плечами? И еще, Арина Рудольфовна, он предложил усыпить Черныша, — выкладываю я один из аргументов, но уверенности, что это железобетонно поставит точку в споре нет.. — Он назвал котенка заразой и заявил, что его нужно немедленно умертвить. Вы правда считаете, что такой человек может принести в дом счастье?

Ну да, противница всяческих домашних животных лишь пренебрежительно отмахивается.

— Ох, Джульетта, Джульетта. Мужики — они такие. От неловкости часто ляпают не то. Или вообще проверяют тебя на прочность. А может, у него просто аллергия, вот он и злится на весь мир. Это всё мелочи! А вот главное — она таинственно понижает голос и придвигается ближе. — карты сказали, что Володенька — это твое спасение.

Замираю.

— Спасение? От чего?

— От того страшного, что я видела в твоём будущем! — восклицает она, и в голосе звучат неподдельные нотки страха.

— Помнишь, я говорила про черноту? Про испытание? Так вот, Володенька — это якорь. Тихая гавань. С ним ты будешь как за каменной стеной, он тебя от всех бед укроет. А те трое те трое принесут тебе только боль и испытания. Карты не врут, девочка моя. Выйдешь за Володеньку прямо сейчас — и спасешься.

Смотрю на нее и чувствую, как внутри закипает бессильное раздражение. Вот как объяснить человеку, который верит в картонные прямоугольники больше, чем в реальность, что «тихая гавань» в виде маменькиного сынка-живодера — это не спасение, а самая настоящая тюрьма?

— Арина Рудольфовна, — говорю тихо, но предельно твердо. — Лучше я счастливо утону в этом вашем страшном испытании, чем буду спасаться с Володенькой. Я за него не выйду. Ни сейчас, ни через год. Пожалуйста, уважайте мое решение.

— Джульетта, — поднимается наш команданте — послушай мудрую женщину. Такого перспективного мальчика больше не найдешь.

Ну что ж, вы сами захотели получить этот удар судьбы! И я пускаю в ход последний довод королей, мой главный козырь.

— Соглашусь, что он очень перспективный и предприимчивый.

Арина Рудольфовна насторожилась моей попятной и подозрительно посмотрела на меня поверх очков. Она настроилась на долгое промывание моей непутевой головы.

— Это ты к чему?-- осторожно поинтересовалась соседка.

— К тому—я невинно похлопала глазками—что он решил не тратить семейный бюджет на скромный букет для девушки, он воспользовался вашей клумбой и нарвал там бархатцы для этого.

У Арины Рудольфовны медленно открылся рот, и она, заикаясь, переспросила, не веря своим ушам:

— Что он сделал?

— Бархатцы, говорю, с вашей клумбы ободрал и мне прямо с корнями в подарок принес. Оранжевые такие. Симпатичные. Те, что вы рассадой покупали и собственноручно высаживали. А потом поливали и пропалывали. Те, что как вы говорили, вам глаз радуют. Они теперь покоятся с миром в дворовой урне.

Вижу широко открытые глаза Арины Рудольфовны, разворачиваюсь и злорадно хихикая, оттого, что сдала Володеньку с потрохами, выхожу, оставив ее полным ступоре. Спорить дальше бессмысленно. В ее личной вселенной колода карт — это истина в последней инстанции, а я — просто глупая девчонка, которая не ведает, что творит. Но есть то, что выше даже гадания. Ее клумба.

Я заскакиваю к себе и прислоняюсь ухом к двери. Минута требуется моей соседке на осознание печальных фактов.

После этого раздается drobный топот каблуков.

Я рванула к окну. Клумбу мне, конечно, не разглядеть, но громкие ругательные высказывания Арины Рудольфовны до меня доносятся.

Я с наслаждением выслушиваю, все, что она думает и о Володеньке и о ее маме, которая воспитала такого придурка и сажусь за рояль. А наша интеллигентная соседка, оказывается, знает столько нецензурных выражений! Эх, чтобы мне сыграть? Вагнера. Полет валькирий!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.